

КРОКОДИЛ

№ 22 • АВГУСТ 1975

— Хорошая примета — пускать кошку первой в новую квартиру!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— «Неужели нашего Диму не знаете? Ну, доложу я вам, спихотехник! Проживет сто лет...»

(Из подслушанного разговора)

спихотехники

Постойте, я его где-то встречал, этого Диму. И вы, вероятно, тоже.

Милейший, добрейший человек. Душа общества. Но есть у него одно неистребимое свойство—отлынивать от работы, по-теперешнему — «сачковать».

Нельзя сказать, чтобы Дима был отъявленный лодырь, нет! Он приходит в свое СКБ (в учреждение, институт, на завод) вместе со всеми, а иногда и чуточку раньше. Он пыхтит над кульманом, как паровоз. Но кпд его трудов составляет ноль целых ноль десятых процента. То Диме надо покурить, то позвонить, то обсудить в коридоре проблемы футбольной команды ЦСКА, а то ему вдруг приспичит отлучиться на часок, чтобы купить апельсины для заболевшей тети.

— Ты уж за меня, друг, домалюй эскиз,— просит Дима и мгновенно исчезает.

А друг пожмет плечами, подумает, быть может: «Ну и лентяюга!»,— но домалюет — выточит деталь, сделает расчет — выручит из беды...

— У нашего Димы к этому делу талант!— правдиво отметят коллеги и улыбнутся, как улыбаются проделкам малолетки-шалуна.

Благодаря таким улыбкам, благодаря снисхождению жизнь милейшего Димы течет легко, спокойно, без волнений. Заболевания язвой желудка на почве переутомления Диме явно опасаться не надо, и если не сто, то по крайней мере девяносто лет он определенно протянет.

Но какой прок в столь долгом веке, когда следов-то в жизни не остается! Оглянется ли потом Дима, убедится ли, что прожил жизнь как пустоцвет? Не знаю, навряд ли... Пока его вполне устраивает «статус-кво», и он убежден, что существует одно вселенское кредо: «Где бы ни работать, лишь бы не работать!»

Привычка, род недуга — взваливать свою ношу на чужие плечи — появилась не вдруг и не ограничивается одним банальным «сачкованием». Привычка эта многолика. Человек, трижды и четырежды гоняющий вас по замкнутому бюрократическому кругу, не позволит себе смотаться со службы под предлогом покупки апельсинов для любимой тети. Но цель у него та же, что у Димы,— оттолкнуть от себя постылое дело.

Он гоняет вас от стола к столу, посылает с этажа на этаж, потому что ему самому не хочется для вас даже пальцем шевельнуть. А вы думаете, что так и надо. Он и процветает благодаря нашему всепрощенчеству. Мы уже притерпелись, считаем, что все так и должно быть, и даже порой подхалимски осаживаем непривыкшего:

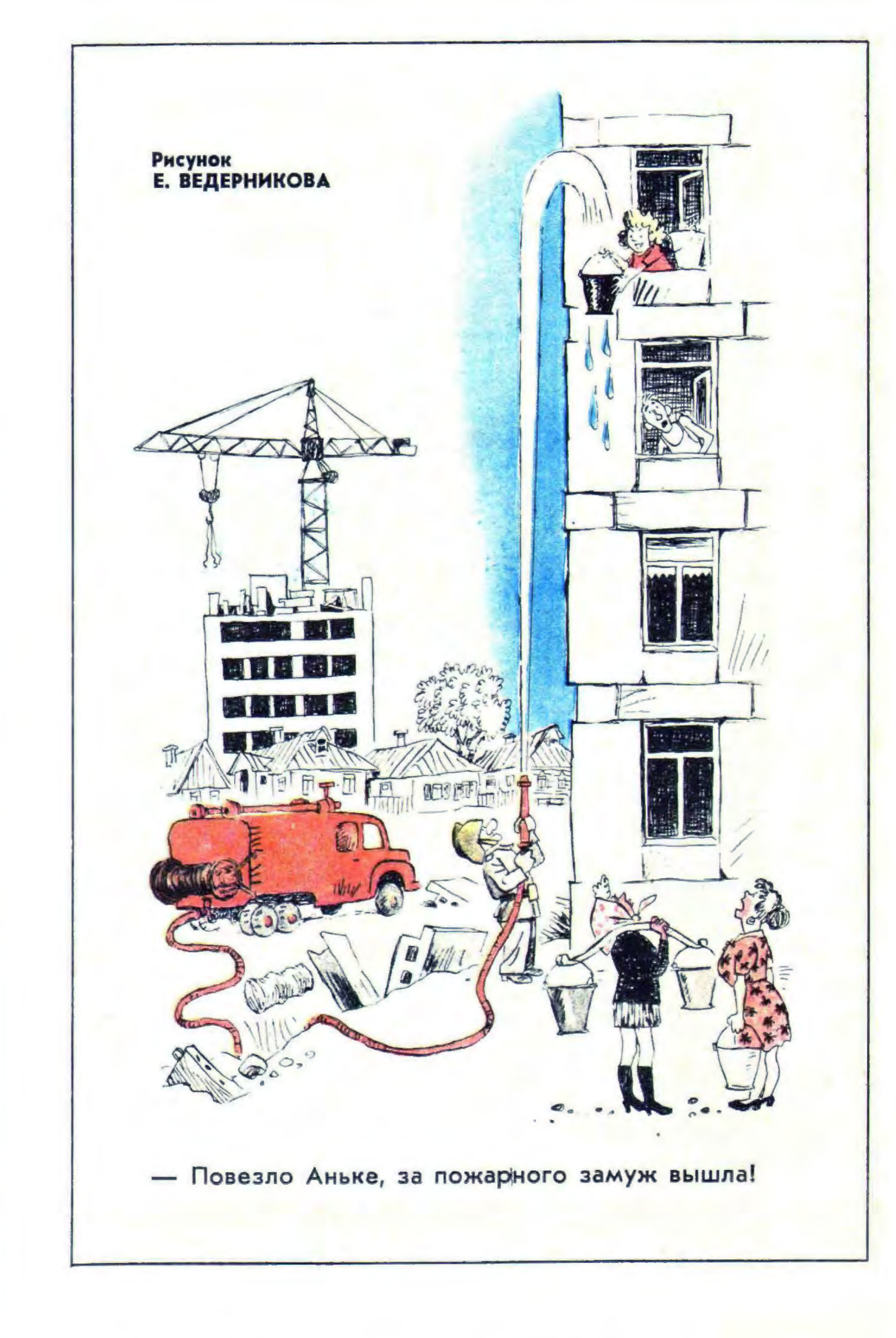
— Гражданин, вам русским языком объясняют...

Еще одна ипостась многоликого явления — возвращение на круги своя. Это похоже на австралийский бумеранг. Вы приходите к начальнику ремонтно-строительного учреждения и говорите: «Сколько можно? Ремонт-то начали еще семь месяцев тому назад». «Правильно,— соглашается начальник,— но, поймите, где я возьму дранку?» Толкнул ее, значит, к вам... Добываете дранку. Постепенно становясь все более понятливым, вы поможете РСУ, добыв (за свой счет, понятно) белила, олифу, скобяные изделия, польский лак, чехословацкую плитку — практически все, да еще наймете «левым» путем маляров. А начальник РСУ отрапортует тресту и получит премию.

А видя вашу понятливость, подключится и школа, и в один прекрасный день ваша дочь Светочка принесет напоминание: срочно внесите на ремонт десятку и достаньте 10 кв. м белого пластика!

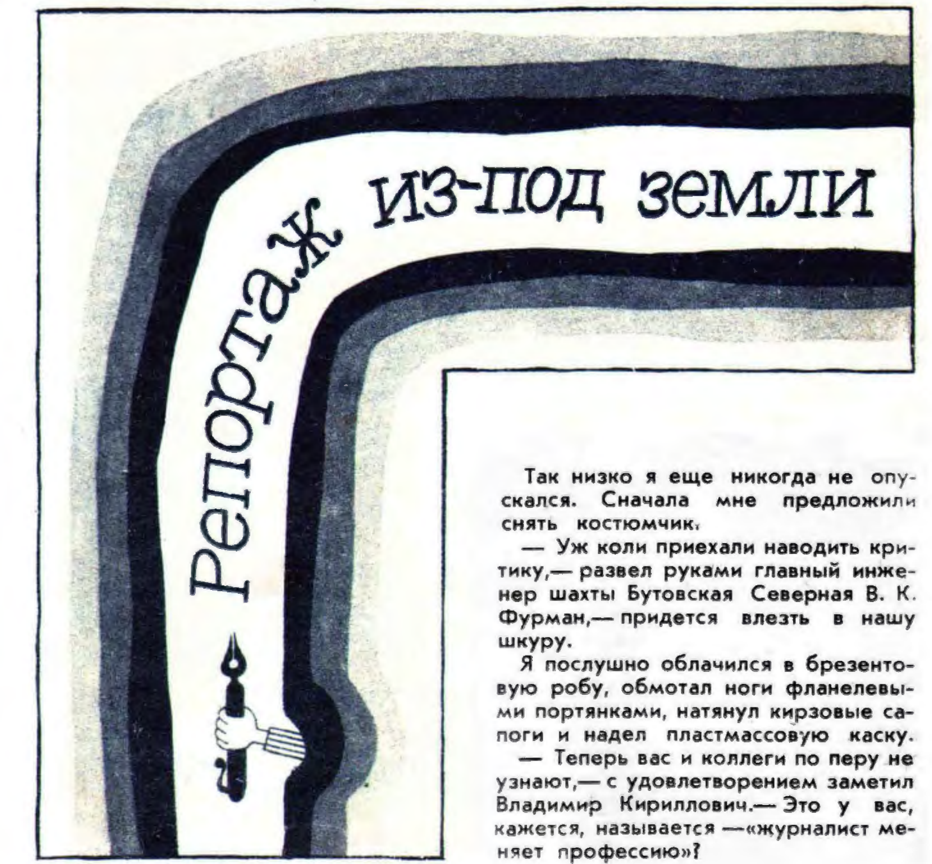
Мастера спихнуть свои хлопоты на других заслуживают не снисхождения, а воинственного неприятия их привычек, взглядов, установок на легкую, беззаботную жизнь.

Фельетонист

— Повезло Аньке, за пожарного замуж вышла!

В. КАНАЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

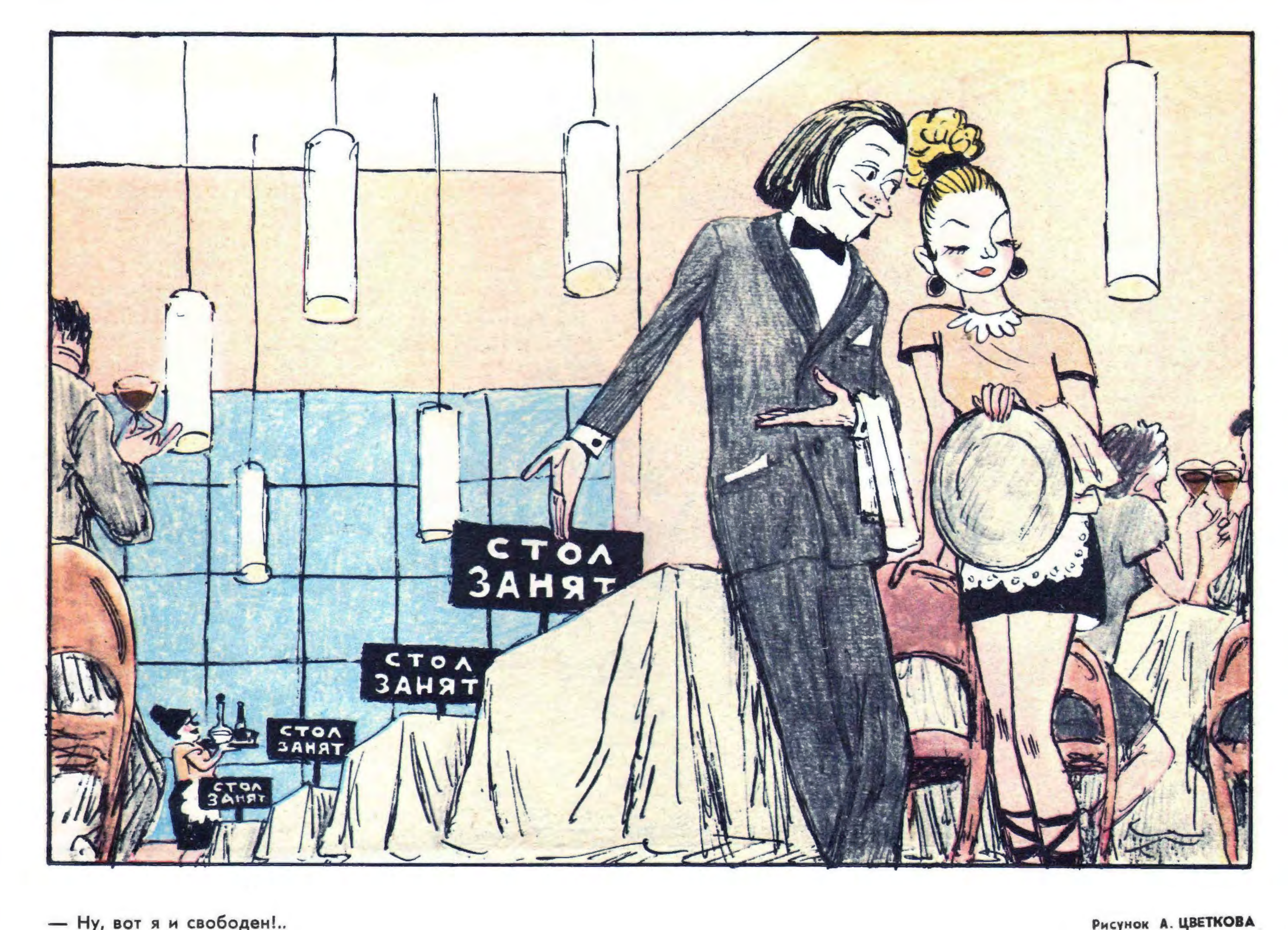

Так низко я еще никогда не опускался. Сначала мне предложили снять костюмчик.

— Уж коли приехали наводить критику,— развел руками главный инженер шахты Бутовская Северная В. К. Фурман,— придется влезть в нашу шкуру.

Я послушно облачился в брезентовую робу, обмотал ноги фланелевыми портянками, натянул кирзовые сапоги и надел пластмассовую каску.

— Теперь вас и коллеги по перу не узнают,— с удовлетворением заметил Владимир Кириллович.— Это у вас, кажется, называется —«журналист меняет профессию»?

— Ну, вот я и свободен!..

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Однако профессии я не изменил и вместо черного золота стал добывать материал для фельетона. Первым делом я подошел к возвышавшейся около шахты горе бракованного угля.

— Тут, как мне известно, пять тысяч тонн,— сказал я.— Почему выдаете на-гора́ уголь вместе с пустой породой?

— Э-эх! — вздохнул главный инженер.— Последнее время мы действительно работали впустую. Макеевская районная инспекция «Укринсуголь» забраковала всю месячную добычу. Вот и возникла возле конторы эта гора, что мозолит глаза.

— А в самой конторе на видном месте красуются ваши прекрасные соцобязательства,— напомнил я.

— Знаю, «за счет улучшения качества добываемого угля получить сверхплановую прибыль»,— процитировал Владимир Кириллович шестой пункт соцобязательств.— Но вместо ожидаемых десяти тысяч прибыли мы понесли стотысячный убыток.

— Как же так? — поправил я ремень шахтерской спецовки.— Хотели улучшить, а сами ухудшили...

— Для интервью у нас хватит времени под землей. А пока возьмите самоспасатель и тормозок,— сказал В. К. Фурман и прикрепил к моему поясу респиратор в металлической коробочке и какой-то целлофановый пакетик.

— Это еще что такое? — полюбопытствовал я, потрогав пакет.

— Самоспасатель положен по технике безопасности,— пояснил В. К. Фурман.— А в пакетике тормозок.

— А тормозок для чего?

— Узнаете позже,— уклонился от ответа главный инженер.— Ну что ж, попрошу в клеть...

Мы вышли на площадке рудного двора, где нам преградил путь рабочий-стволовой и потребовал какие-то жетоны. Жетона у меня не было, но Владимир Кириллович предъявил сразу два металлических номерка.

— Такой у нас порядок,— пояснил он.— Без спускового жетона в шахту не только корреспондента, а даже главного инженера не пустят.

— Вот и попробуй покритикуй вас,— усмехнулся я.— Так я хотел узнать насчет бракованного угля...

— Минуточку терпения,— подошел к телефону главный инженер.— Алло, на проводе Фурман. Карету мне!

Вскоре около нас остановилась неказистая вагонетка.

— Вы, наверное, ожидали, что нам подадут шикарный экипаж? — заметив мое разочарование, улыбнулся главный инженер.— Я уже двадцать лет работаю в подземном царстве, но сам не знаю, почему эту вагонетку называют каретой. Сейчас мы спустимся в штрек.

Карета скрипела, как несмазанная телега, и так гремела на стыках рельсов, что разговор о качестве угля опять не состоялся.

— Вот мы и в штреке,— распахнул дверцу кареты главный инженер,— на глубине шестисот метров! Ну как, не скребут кошки на сердце?

— Здесь у вас, как в тоннеле московского метрополитена, только мраморной облицовки не хватает,— по возможности бодро заявил я.— Но и угля я почему-то не вижу...

— Добыча ведется в полукилометре отсюда,— сказал Владимир Кириллович.—В лаве. Осторожно, не споткнитесь о шпалу...

Освещая путь шахтерскими лампочками, мы пошли в лаву. Наконец я увидел зияющую щель, в которой возились покрытые угольной пылью люди.

— Это бригада Александра Зайцева,— сообщил мне В. К. Фурман и проворно юркнул в лаву.— Здравствуйте, хлопцы! В чем заминка?

— Вырубали нишу для комбайна,— послышались голоса шахтеров,— да отбойные молотки, как всегда, барахлят.

— А к нам гость пожаловал. Корреспондент,— сообщил В. К. Фурман и помахал мне рукой.— Милости просим!

Я протиснулся в лаву.

— Вы про отбойные молотки напишите,— наперебой заговорили шахтеры.— Ломаются, как пряники. Хоть на обушки переходи.

Обушками пользовались при царе Горохе. И все же по надежности они превосходили отбойные молотки Томского электромеханического завода имени Вахрушева.

— Тише, хлопцы! — сказал Владимир Кириллович.— Корреспондента интересует не техника, а как мы с вами боремся за качество угля.

— А разве техника не влияет на работу? — возразили шахтеры.— Вот мы соревнуемся с бригадой Лисовцева. Но она разрабатывает метровый угольный пласт с помощью механизированного комплекса. А высота нашей лавы — всего полметра...

— Низкие потолки шахтерам не помеха,— заметил бригадир Александр Зайцев.— Мы умеем лазить по-пластунски. Но попробуйте загнать сюда современные комбайны... Ведь они рассчитаны на угольные пласты толщиной свыше восьмидесяти сантиметров. Поэтому работаем на комбайне «Кировец», который давным-давно отжил свой век.

И шахтеры с возгласом «Эй, ухнем!» стали затаскивать старенький «Кировец» в нишу.

— Не будем отвлекать их от дела,— сказал главный инженер и пополз в глубь лавы.

— По-моему, вы уходите от темы,— заметил я.— Я просил вас остановиться на качестве угля.

— А вы посмотрите, как работает «Кировец»,— помог мне распутать провод главный инженер.— Он так широко подрубает пласт, что земля сверху обрушивается и попадает на конвейер вместе с углем. И чем боль-

— Куда ты его?
— На базу. Транспорта не дождешься...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

ше добудем угля, тем больше выдадим на-гора пустой породы. Одним словом, работаем в поте лица, а все усилия насмарку.

— А что делают конструкторы для облегчения труда шахтеров? — спросил я.

— Вот-вот, обязательно протяните конструкторов,— оживился В. К. Фурман.— Какой уж год грозятся создать технику для разработки тонких пластов. Но дальше обещаний дело не идет...

Я остановился, тревожно прислушиваясь к какому-то змеиному шипению. Было похоже, что в лаве находился целый выводок гадюк.

— Это шипит метан,— успокоил меня Владимир Кириллович.— Поэтому, чтобы не взлететь на воздух, работаем без перекуров. Это мощный фактор, который благотворно влияет на ход шахтерского соревнования...

В лаве стало светлее.

— Вот мы и приползли к другому штреку. Теперь можно затормозить. Доставайте свой тормозок,— сказал главный инженер и указал на мой целлофановый пакетик.

«Тормозок» оказался весьма кстати: это был шахтерский завтрак.

— Нажимайте на колбаску,— советовал В. К. Фурман.— В шахте, если не подкрепишься, ног таскать не будешь. А теперь поедем наверх принимать душ. Водные процедуры у нас входят в служебные обязанности.

Душ был тоже очень кстати, потому что в лаве мы перемазались, как шахтеры.

— Я надеюсь, что, пройдя сквозь подземные лабиринты и водные струи,— растираясь махровым полотенцем, улыбнулся Владимир Кириллович,— вы стали в душе шахтером. Поэтому — вам шахтерский наказ: узнайте в «Союзуглемаше», когда мы получим современную технику...

Для того, чтобы выполнить этот наказ, мне пришлось по возвращении в Москву вознестись под облака. Я вошел в высотное здание на проспекте Калинина, нажал кнопку клети, то бишь лифта, и взмыл на двадцать второй этаж.

— Ну и высоко же вы забрались!— сказал я начальнику отдела опытно-конструкторских и научно-технических работ «Союзуглемаша» И. А. Поволоцкому.— А я к вам из-под земли. Шахтеры наказали узнать, когда будет готова новая техника...

— Для разработки тонких пластов, что ли? — догадался Игорь Александрович.— Хотя как раз год назад Крокодил уже критиковал нас за плохое обеспечение шахт угледобывающим оборудованием, этот вопрос продолжает висеть в воздухе...

— Как же так? — удивился я.— Ведь тогда заместитель министра угольной промышленности СССР Е. Н. Рожченко сообщил: «Приняты меры по улучшению работы заводов угольного машиностроения».

— А как улучшить работу заводов, если для разработки тонких пластов нечего выпускать? — развел руками И. А. Поволоцкий.— Конструкторы нашего института «Гипроуглемаш» восемь лет бились над созданием механизированного комплекса КМ-101Т. Потратили на него восемь миллионов рублей. И, знаете ли, на чертежах получилась не машина, а игрушка. Но, увы, она оказалась игрушкой и в действительности. При испытании опытный образец сразу же сломался. И тогда первый заместитель министра угольной промышленности СССР Л. Е. Графов сказал: хватит. Работы по созданию этого комплекса прекращены.

Я слушал о сломанной дорогостоящей игрушке и удивлялся, почему ее создатели трудятся вдали от шахт, там, где под землю можно спуститься лишь на эскалаторе метрополитена? Может быть, поэтому подчас вместо хорошей угледобывающей техники и появляются на свет игрушечные машины...

Макеевка — Москва.

Октем ЭМИНОВ

Персональные колеса

Его колеса утром увозили
И возвращали вечером назад.
Бросал он из окна автомобиля
На пешеходов
равнодушный взгляд:
«Бедняги...»
Но колеса отобрали,
И он ходить без палочки не смог.
Отвык. Дорогу люди уступали:
«Ах ты, бедняга!
Ни колес, ни ног...»

Выдал себя...

В шкуру льва обрядился ишак.
Хоть ночами кричал по-ишачьи,
Днем рычал он естественно так,
Что поверили:
Лев, не иначе.
Правда, он на охоту не шел:
Хоть рычи, а со львом
не тягаться...
Только все ж
Себя выдал осел —
Рассердился и начал...
Лягаться.

Перевел с туркменского О. ДМИТРИЕВ.

Оглядываясь назад, я вижу, что моя жизнь делится как раз на две части. Первые пятнадцать лет я в основном читал, вторые писал. И хотя я инженер, но старался не писать о машинах. Я рассказывал о том, что намного интереснее: о товарищах по заводу, о друзьях из аулов нашего многонационального Адыге-Хабльского района. Эти и другие рассказы опубликованы в моей первой книжке «Джамал» и в семи коллективных сборниках ногайских литераторов.

А сейчас занимаюсь работой не менее интересной: собираю для новой книжки веселую мудрость ногайского народа — легенды, сказки, пословицы.

Аждаут НАЙМАНОВ

МАСТЕР — ЗОЛОТЫЕ РУКИ

«Терпеливый своего добьется», говорит ногайская пословица.

Я был терпеливый, и у меня было желание построить дом. Небольшой, но симпатичный.

Вместе с женой мы начали с того, что вырыли котлован. И вот когда уже почти заканчивали эту невеселую работу, аллах вознаградил мое терпение. Мы увидели самого Боза-агая. Мастера — золотые руки, о котором в ауле ходили легенды. Великий каменщик, гениальный маляр, исключительный столяр! Многие у нас мечтали позвать Боза-агая строить дом. Но ему всегда было некогда. Он возводил какие-то особенные дома, о которых до нас доходили только слухи. И этот великий человек пришел ко мне сам...

— Салам алейкум, Нурлыяр. Пусть устроятся твои дела.

Я ответил как положено:

— Алейкум салам. Войдите во двор, мастер. Собака не тронет, она умеет только лаять.

— Раз приглашаешь, зайдем на минуточку. Люди говорят, что ты решил построить какой-то особенно симпатичный дом.

— Да, Боза-агай. Только не знаю, кому доверить эту работу.

— Ты что думаешь, такого мастера нет у нас в ауле?

— Есть один человек, но его пригласить невозможно. Слишком велика его слава. Говорят, он построил дом самому районному председателю.

— Да, я построил ему дом,— важно ответил Боза.— Как такому человеку откажешь? Он всегда пригодится.

— Ну, а я простой человек. Я никому не могу пригодиться.

— Это верно. Но так как ты хочешь иметь особенный дом, хороший мастер может не посмотреть на твое скромное положение.

— Значит, ты согласен, агай?

— Я еще не сказал этого, но подумаю. Люблю делать людям добро. Ты зайди ко мне в субботу.

А какой был дом у самого Бозы-агая! Чтобы описать его, нужно быть великим поэтом или работником ОБХСС. А я лишь умолкаю в восхищении.

Мастер принял меня в комнате, где все стены были скрыты арабскими коврами ручной работы. Он усладил меня беседой и высказал очень мудрые мысли. Он сказал, что в ауле жить лучше, чем в городе, потому что можно построить какой хочешь дом. А в городе нужно брать квартиру, какую дадут. Но, с другой стороны, в городе эту квартиру для тебя построят, а в ауле ты должен сам позаботиться о своем доме.

В этот день, к сожалению, Боза-агай не мог заняться моим делом, но, провожая меня, дал ценный совет:

— Засыпь свой котлован щебнем и залей раствором. И не откладывай доброе дело в завтрашний ящик. А в следующую субботу я жду тебя.

За неделю мы с женой управились с котлованом, и я рано утром побежал к мастеру.

— Ну вот, Боза-агай, я и пришел за тобой.

— Пришел или приехал? — переспросил он мягко, и я понял, что совершил промашку. Ах, какой я ишак! Ведь говорили мне, что Боза никуда не ходит пешком. Шайтан украл мою память. Надо будет купить мотоцикл, чтобы возить его на работу.

Но, к счастью, этот замечательный человек не рассердился. Он даже улыбнулся.

— Слушай, Нурлыяр, что я тебе скажу. Вы залили котлован только вчера. Значит, он не мог еще высохнуть, а с фундаментом шутки плохи. Лучше подождем до следующей субботы... Но ты не теряй времени зря. Достань лес и начни столярные работы. Затем подтащи весь камень поближе к фундаменту. И дела пойдут быстро.

Разве я мог бы заботиться о своем доме больше, чем заботился наш уважаемый мастер! Все его советы мы с женой выполнили, и в следующую субботу я подкатил к дому Бозы на собственном мотоцикле.

— Я купил мотоцикл. Теперь тебе не придется ходить пешком,— сказал я.— Поехали?

— Ты поезжай сам, а я через часик приеду на своей машине. Не могу же я, Боза Бармажиев, ездить на таком драндулете. Да, кстати, захвати с собой мои инструменты.

Когда я садился на мотоцикл, он ласково поучал:

— Сделай раствор, затем прибей по углам колья, протяни по ним шнур, выбери самые надежные камни и положи их на раствор. Это будет первый угол дома. Потом точно так же посади камни на остальные углы, а затем веди кладку вдоль шнура под углом сорок пять градусов... Так что без дела не сиди и действуй смело. Смелость города берет. Помнишь эту хорошую песню?

В этот день мы положили в фундамент целых два рядка, что было настоящей трудовой победой. Ведь я впервые в жизни взял в руки мастерок. А Боза-агай, видимо, так и не смог приехать. Ведь у него столько дел... Да еще находит время мне дом строить.

Когда фундамент был готов, я поехал к мастеру.

— Молодец,— похлопал он меня по плечу.— Сегодня обязательно буду у тебя.

И вскоре он действительно появился. Я торжествовал. Но жена почему-то заворчала. Женщина! Что она понимает в серьезном деле?

Только Боза-агай начал осматривать мою работу, как у дома затормозила «Волга». Из нее вышли солидные мужчины в легких шляпах.

— Собирайся быстро! — сказал один из них Боза-агаю.— Нас давно ждут, а ты здесь прохлаждаешься.

Потом они о чем-то тихо заговорили, и мне послышалось слово «шашлык». Но только послышалось, потому что мастер сказал:

— Не обижайся, дружище, срочное дело. Надо поехать на слет. Я тебя, как брата, полюбил. Ты в следующую субботу устрой грандиозный аврал-талака. Позови на помощь всех родственников, знакомых, друзей, кого сможешь. За один день возведем твои стены. Строить так строить.

Целая неделя прошла у меня в хлопотах по подготовке талака. Специально для мастера я достал армянский коньяк и черную икру. Когда все были в сборе, появился и он. На нем был очень тонкий кримпленовый костюм. Голубая с белыми и сиреневыми полосочками сорочка шла к его лицу как нельзя лучше. А какой галстук! Галстук был наимоднейшим, с пучками подснежников на вишневом фоне. Туфли, черные, лаковые, отражали все, к чему приближался их хозяин.

Мы встретили его, как положено встречать почетного гостя. Он поблагодарил и сказал:

— Начнем?

— Начнем! — дружно откликнулись добровольные помощники. Мастер выбрал двенадцать каменщиков, а остальных разделил на две группы. Одна должна готовить раствор, другая — подносить материал. А Караторгай, студент архитектурного факультета, как человек самой высокой квалификации, был оставлен для наиболее серьезных поручений. Боза-агай что-то шепнул ему, и Караторгай подбежал ко мне:

— Нужно под деревом поставить для мастера стол и кресло. И подать коньяк и икру. Там будет его пульт управления.

И вот мастер подошел к пульту. Здесь уже все было готово. Караторгай откупорил бутылку и наполнил рюмочку коньяком. Боза взял ее и, подняв, как дирижер палочку, залпом выпил. Мы поняли, что это сигнал, и работа закипела.

Боза-агай внимательно следил за всем, что происходило на строительной площадке. Представляю, что бы мы наработали без него.

Вечером, после обеда и танцев, мастер собрал всех и сказал:

— Завтра воскресенье, а работы у нашего друга непочатый край. Предлагаю продолжить талака завтра. Есть возражения?

— Нет,— дружно ответили захмелевшие помощники.

К вечеру следующего дня стены были готовы. Боза-агай свое слово сдержал.

В день новоселья к нам пришли все, кто участвовал в талака. Последним приехал наш дорогой мастер. У него в руках был красивый портфель. Я встретил его во дворе.

— Спасибо,— говорил я, низко кланяясь,— благодаря тебе мы сейчас справляем новоселье. Заходи.

— Ну, стоит ли меня благодарить,— ответил этот скромный человек.— Мой долг — делать людям добро.

Боза-агай сказал первый тост, очень хороший тост. Мы выпили, и настала моя очередь. Я поднял свой бокал:

— Боза-агай, сау бол тебе — большое спасибо! Если бы не ты, я все еще жил бы в старом домике, который мог обрушить крышу на наши головы. Пусть на твоем жизненном пути встретятся заказчики лучше и терпеливее меня. Я благодарю аллаха за тот день, в который он привел тебя к моему котловану. А теперь прошу принять от меня этот скромный дар,— я взял со стола накрытое платком серебряное блюдце и откинул платок. На блюдце лежала пачка денег.— Это знак благодарности за твой труд, вложенный в мой дом.

Мастер взял блюдце и положил вместе с деньгами в свой красивый портфель. В этот момент моя жена очень больно ущипнула меня. Этой женщине всегда что-то не нравится. Она просто неблагодарная. Много ли найдется в нашем районе людей, которым построил дом сам Боза-агай?

Новоселье прошло очень весело.

Перевел с ногайского В. БЕЛОУСОВ.

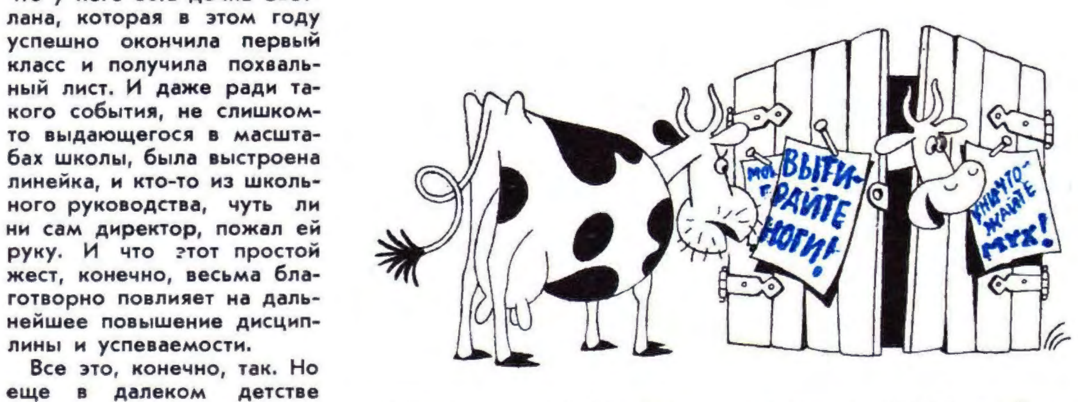
ПЕРВЫЙ ОРДЕН

Андрей НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

Письмо, о котором речь, на первый взгляд не вызывало сомнений. А писал один гражданин из деревни Воскресенск, Калужской области, Сергей Григорьевич Чигирев. Он возмущался, что не очень-то учтиво обошлись с его женой, передовой дояркой колхоза «Труд» Зоей Григорьевной Чигиревой. За высокие показатели ее представили к ордену «Трудовая слава», но когда дело дошло до вручения награды, то не стали вручать в какой-то там особенно теплой обстановке, сопровождать поздравлениями и т. д. А провели церемонию, так сказать, в рабочем порядке: отдали орден вместе с очередной получкой. Без всяких церемоний.

И далее товарищ Чигирев проводит довольно ядовитую параллель. Он пишет, что у него есть дочка Светлана, которая в этом году успешно окончила первый класс и получила похвальный лист. И даже ради такого события, не слишком-то выдающегося в масштабах школы, была выстроена линейка, и кто-то из школьного руководства, чуть ли ни сам директор, пожал ей руку. И что этот простой жест, конечно, весьма благотворно повлияет на дальнейшее повышение дисциплины и успеваемости.

Все это, конечно, так. Но еще в далеком детстве школа внушила мне, что есть такая прекрасная категория: скромность. И я еще с тех пор стал плохо относиться к людям, которые слишком назойливо выпячивали свою персону. Дошло до того, что когда я слышал любые самовосхваления, я вместо того, чтобы восторгаться, думал, что эти люди прежде всего плохо воспитаны.

Поэтому я был даже както доволен, когда узнал, что автор письма Чигирев несколько утрировал действительность. На самом деле награды выдавались в районном центре, в Ферзикове, в достаточно торжественной обстановке. Приглашали туда и Зою Григорьевну. Но она плохо переносит поездки в автомашине, тем более по проселочной дороге. Поэтому орден привезли в колхоз и отдали, как было изложено ранее.

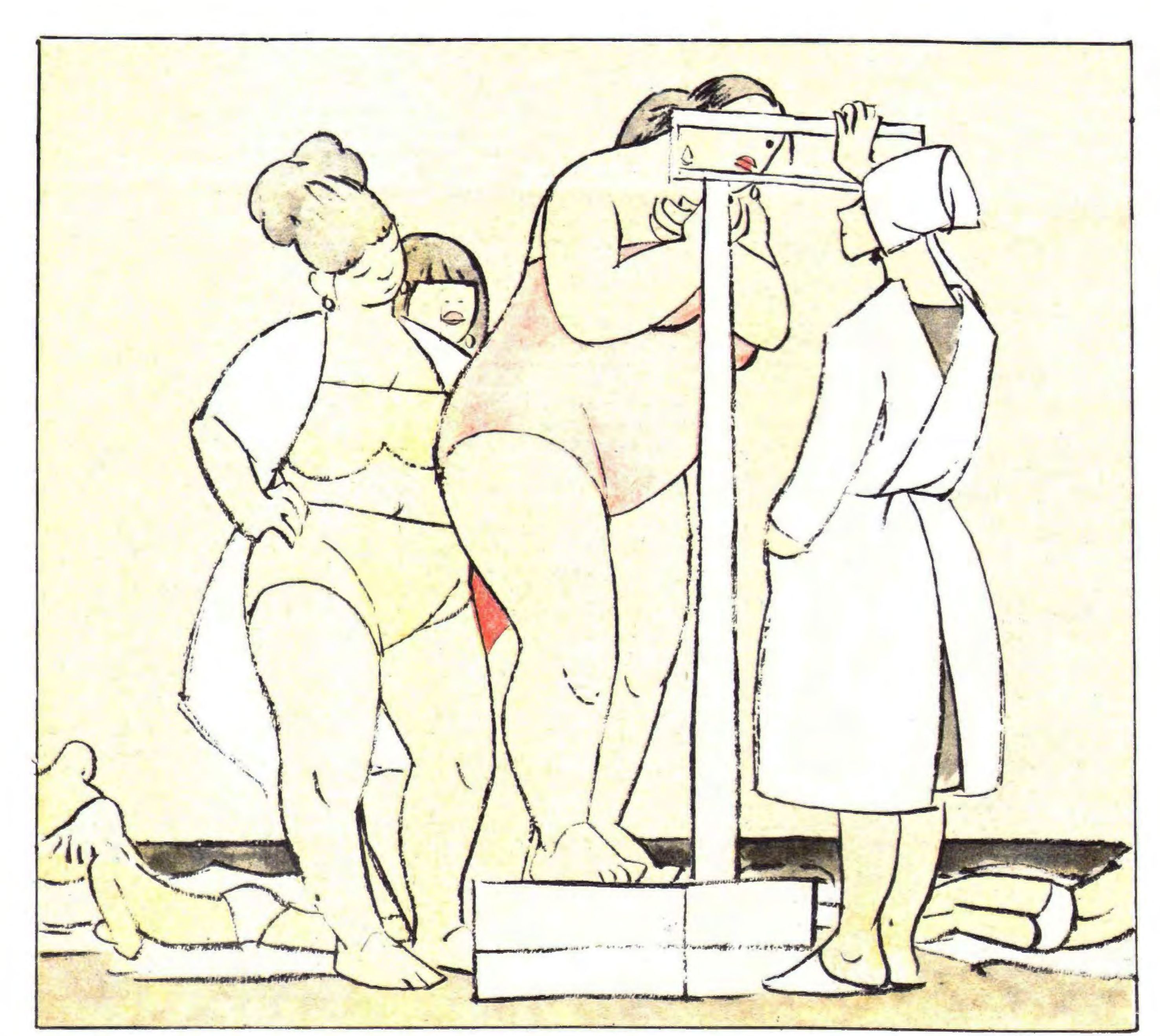
Казалось, на этом можно было поставить точку, но мне предстояло еще зайти на молочнотоварную ферму, поговорить с доярками. Оказывается, по поводу получения ордена было и торжество, но какое-то стихийное и, конечно, не предусмотренное властями района, а тем более колхоза «Труд». Просто Зоя Григорьевна купила вина и выпила вместе с подругами.

Мы разговаривали в одном из трех коровников, которые были похожи на сотни коровников в других деревнях. Построены по типовому проекту, механизированная вывозка навоза, электродойка...

И тем не менее эти коровники отличались от всех, что мне пришлось видеть ранее. Я долго не мог сообразить, чем именно, но потом понял. Обычно правление колхоза как-то старается информировать доярок о том, как они соревнуются друг с другом, какое место занимают по надою. В колхозе «Грузия», что возле Геническа, сообщали даже о том, кто сколько заработал за минувший месяц. И всевозможные таблицы, сводки и диаграммы, как правило, красуются в красном уголке при коровнике, а то и просто на дверях. Здесь же ничего подобного не было. Вместо таких данных в помещении, где сливается молоко, была грязь, немытые окна и полчища мух. Не было никаких данных, повествующих о ходе соревнования, и в правлении колхоза. Ну просто нигде ни одной бумажки.

Так вот, когда выяснилось, что вопросы соревнования здесь обходятся стороною или уж, во всяком случае, особо не подчеркиваются, то и эпизод с вручением ордена стал выглядеть как-то по-иному. Никакая это не скромность, а самое обычное равнодушие и формальное отношение к важному делу. Ведь Зоя Григорьевна — это первая и единственная доярка в колхозе, получившая такую высокую награду. Это ли не событие для колхоза? Ну и что, если она сама не могла проехать полсотни километров до райисполкома? Можно было бы собрать по этому поводу правление, да и районному начальству не зазорно было почтить колхоз своим приездом.

Калужская область.

— А контрольные весы у вас есть?

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

ПОЖАЛУЙТЕ К ПРИЛАВКУ!

«От сезона к сезону очереди становятся короче». Этими словами, как, может быть, помнит читатель, начинался репортаж Дм. Иванова и Вл. Трифонова «Тропою помидора», опублинованный в «Крокодиле» (№№ 32 и 33 за прошлый год). Речь в нем шла о злоключениях, которые испытывают овощи на длинном пути от плантации к прилавку.

И вот очередной овощной сезон снова в разгаре. Поспевают помидоры, баклажаны, цветная капуста... Поспели в редакцию и официальные ответы на репортаж. Первым откликнулось Министерство путей сообщения СССР. Заместитель министра тов. П. Лемещук сообщает, что установлен строжайший контроль за своевременной подачей вагонов под овощи и фрукты. Приняты меры к ускорению их продвижения и к более бережному обращению с ними. Бригадам, обслуживающим рефрижераторные поезда, категорически запрещено отказываться от приема грузов. Словом, новому урожаю — зеленая улица.

Сказало свое слово и управление торговли продовольственными товарами г. Москвы. Начальник управления тов. С. В. Хрущев признал, что факты, изложенные в репортаже, полностью подтвердились. Дабы избежать злоупотреблений, издан приказ, запрещающий прием овощей и фруктов магазинами непосредственно от иногородних поставщиков. За допущение такого приема старшему бухгалтеру магазина № 22 тов. Агеевой М. А. объявлен строгий выговор.

«СТОЙ, КТО ПЛЫВЕТ?»

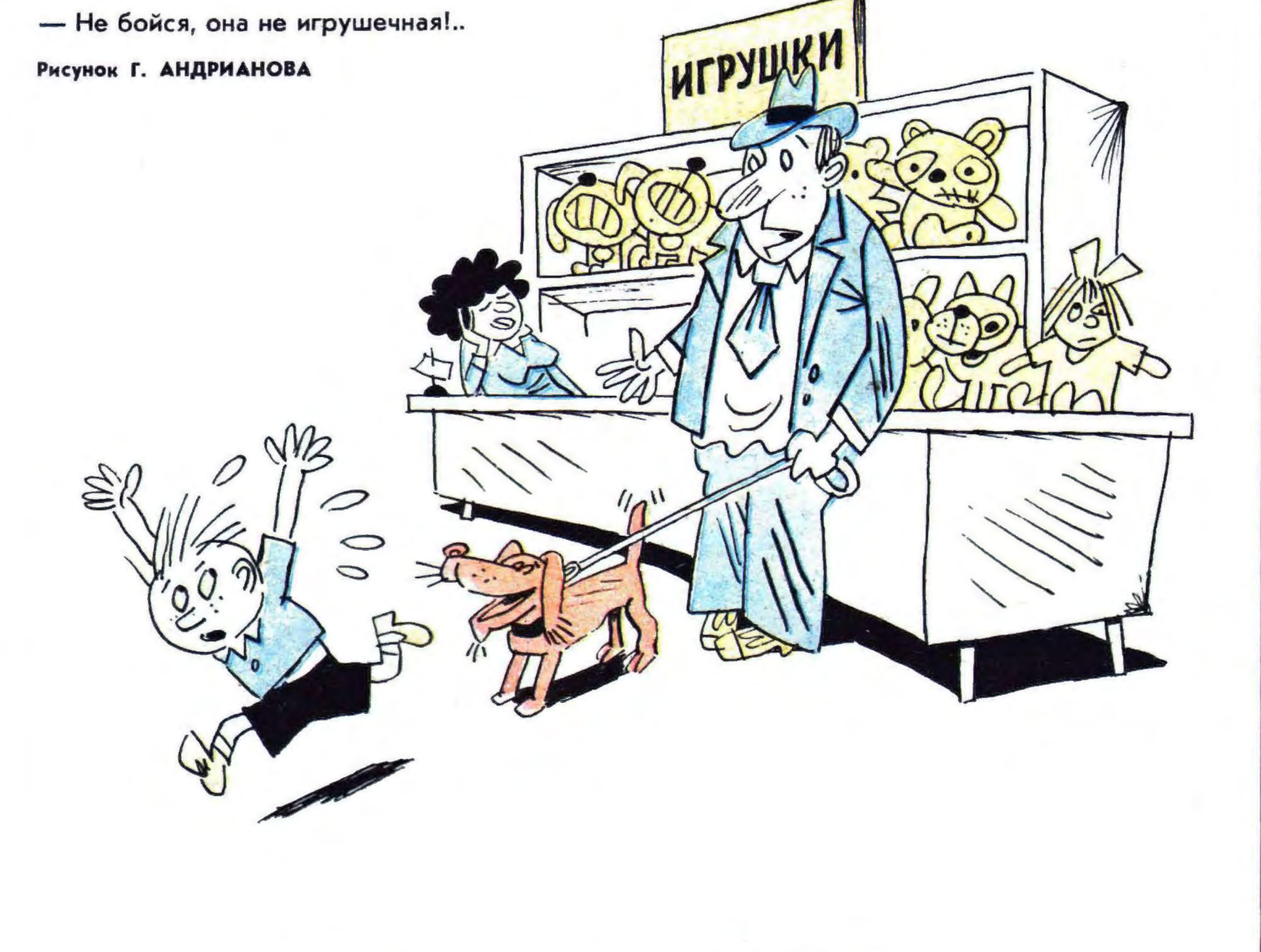
У Южно-Каспийского управления по охране и регулированию рыболовства большие владения. Тут и озера, и водохранилища, и реки, и побережье Каспия. И за всем этим нужен глаз да глаз, так как есть еще любители незаконно поживиться рыбкой. Рыбинспекторов же в управлении маловато, как, впрочем, и техники, необходимой для борьбы с нарушителями. Обо всем этом шла речь в фельетоне К. Убилава «Стой, кто плывет?» («Крокодил» № 3).

На выступление откликнулись заместитель министра рыбного хозяйства СССР С. Студенецкий, заместитель прокурора Азербайджанской ССР В. Гюльмамедов, начальник Южкаспрыбвода И. Ибрагимов и начальник Азтерупррыбпрома А. Ахмедов. Представителями всех этих организаций была проведена детальная проверка работы Азербайджанского территориально - производственного управления рыбной промышленности и инспекции рыбоохраны и намечен целый комплекс мероприятий по усилению борьбы с браконьерством. Приняты меры по выполнению плана выращивания прудовой рыбы и рыбопосадочного материала. При первой же возможности органы рыбоохраны будут обеспечены вертолетом и катером.

Лица, задержанные при браконьерском лове ценных рыб,— С. Агаев, А. Байрамов, А. Мусаев, Г. Манафов, братья М. и Р. Якубовы, Н. Балуев, А. А. Джафаров, А. И. Джафаров и др.,— привлечены к уголовной ответственности с взысканием с них ущерба, нанесенного рыбному хозяйству.

— Не бойся, она не игрушечная!..

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

В. КОМОВ, специальный корреспондент Крокодила

Диван для Собакевича

Дотошный Вл. Даль отмечает: вкус — чувство изящного, красоты, приличия и угодливости для глаз.

Вот, видно, мы и приучились к такому пониманию. И даже требуем, чтобы вещи любых рангов и назначений угождали нам, то есть нравились, радовали, пробуждали стремление к привлекательному и даже прекрасному.

Давний приятель загодя пригласил меня на свадьбу: сын надумал жениться. Естественно, возникла извечная проблема: подарок. После упорных хождений в магазине «Подарки» купил набор серебряных чайных ложечек. Само собой, надо было выгравировать поздравление молодоженам.

Кстати, вспомнил граверную мастерскую комбината бытового обслуживания, с которой познакомился в прошлом году в Юрмале, на Рижском взморье. На витрине тогда увидел блюдце с чашкой, а на них золотом увековечено: «Дорогая теща! Пей чай с аппетитом, на меня не будь сердита!» Хотя и нет у меня в наличии тещи, я все же задумался. Когда же я зашел в салон и выразил недоумение, мастер сощурил глаза и спросил: «А чем плохо?»— и с раздражением отвернулся.

Только «отряхнул» малоприятные воспоминания, как подоспела командировка в Липецк. Прихватил свой подарок, решил: может, там украшу коробку адресом.

На одной из центральных улиц, Первомайской, расположились бытовые мастерские Рембыттехники. Подошел и на минуту замер: в витрине выписаны на стекле аляповатые надписи образца первого десятилетия нынешнего века. Вдоль розово-зеленого сердца выведены корявые буквы: «Любой вкус. На любой сезон»,— а в центре, видать, для эмоций, вклеена вырезанная из журнала пестрая дива. Чуть пониже пояснение: «Модно. Красиво. Удобно».

В разговоре с родителями молодоженов выяснилось, что мои хлопоты не чета выпавшим на их долю. Хотели они купить что-нибудь из мебели, но попался только диван-кровать фирмы «Тамбов». Сидеть, лежать на нем можно (могучий, надежный Собакевич наверняка бы яростно позавидовал), а вот показывать нельзя. Никому! Неуклюжий, старомодный, а оттенки — от цвета осенней проселочной дороги до окраски дредноутов периода первой мировой войны.

Конечно, мы вовсе не жрецы вещей, не бездуховные накопители, жаждущие максимально использовать каждый квадратный сантиметр малогабаритной квартиры. Но нельзя мебелью детей пугать!

Изготовители же твердят:

— А чем, уважаемые покупатели, плохо?

В день бракосочетания приятель потащил меня сфотографироваться вместе с молодыми. Мастер воронежской художественной фотостудии, что на проспекте Революции, сноровисто реализовал серийно-унифицированный набор композиций: жених и невеста держат в руках казенную куклу, замызганного медвежонка и смотрят в упор в объектив. Затем — «в обнимку», «в поцелуе» и «со свидетелями»... Парня и девушку стало жалко: они маялись, краснели, конфузились.

Тогда мы робко спросили, не слишком ли однообразны позы да еще с мещанским душком. Немолодой, бывалый мастер обиделся и отрезал:

— Да и чем это плохо? Такие снимки давно испытаны, проверены.

И верно, подобные свадебные фотоэтюды можно увидеть во многих городах, независимо от того, выдает их мастерская, фотостудия, ателье или даже комбинат фотохудожественных работ.

Ну, а извечные курортные снимки на фоне рисованных пальм, штормов, лихих сухопутно-игрушечных яхт и прочей экзотики — разве лучше? А вот попробуйте упрекните, посетуйте. Впросак попадете. И поделом. Разве есть инструкция, предостерегающая от популяризации дурного, пошлого вкуса? Посетитель добровольно оформил заказ, получил квитанцию по прейскуранту. Работа выполнена в срок. Какие могут быть претензии?

А на днях прочитал я письмо рабочего А. Макарова. Он сообщил, что «в воронежской парикмахерской № 55 сыну Игорю сделали такую прическу, что овца, подстриженная хорошим чабаном, выглядит куда элегантнее». Попробовал было отец возмутиться, а в ответ услышал незыблемое, как стотонный надолб: «Да чем это плохо?»

Чем? Да просто плохим вкусом.

г. Воронеж.

ПОД УГЛОМ 40°

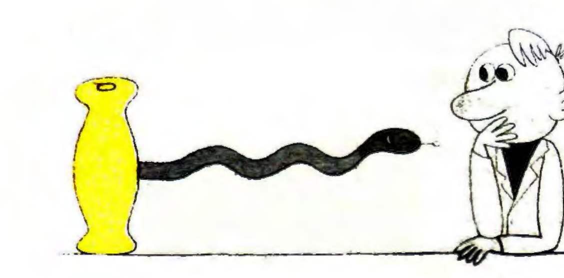
ПОНЕДЕЛЬНИК — ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ...

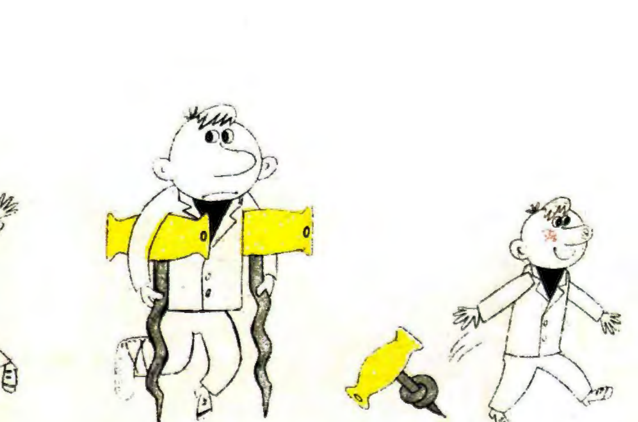
Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

РАССКАЗ В КАРТИНКАХ

Рисунок Л. ФИЛИППОВОЙ

Михаил ВЛАДИМОВ, специальный корреспондент Крокодила

глас выпиющего

Будильник и пикнуть не успел, как был придушен тяжелой мужской рукой.

— Вовочка! — сквозь сон прошептала жена.— Завтрак — на плите... Рубль — на столе... Но смотри у меня, чтобы...

Вовочка пропустил мимо ушей первую и третью часть жениной реплики, но чутко уловил вторую. Одной рукой он еще застегивал последнюю пуговку на своей сорочке, а другой — уже сжимал маленький, кругленький, прохладненький металлический рубль.

Он знал, что жене не так-то просто было выкроить для него этот ежедневный рубль из семейного бюджета, то и дело урезаемого им самим: на позапрошлой неделе — «отрезал» 15 рублей медвытрезвителю, на прошлой — цехком резанул пополам его прогрессивку...

— На этой — ничего не будет! — дал он клятвенное обещание жене в присутствии детей вчера, воскресным вечером.— Я завязал!.. Чтоб у меня глаза повылазили, если я еще хоть раз посмотрю на нее!..

И, шагая к заводу по ранней, но уже оживленной житомирской улице, он честно старался не смотреть на нее. Но это было не так легко. Она была почти на каждом шагу, она манила ярко-пестрыми гирляндами и веерами этикеток сквозь стекла витрин, завлекала, зазывала. Она гипнотически вытягивала из его крепко сжатого, глубоко втиснутого в карман кулака тот самый маленький, кругленький, уже ставший горяченьким рубль.

Она — это была городская винно-водочная торговая сеть, проснувшаяся гораздо раньше Вовочки и раскинувшая на его пути все свои бредни, неводы, мережи и прочие ловчие снасти. Как раз к началу утренней смены.

Действовала сеть по всем правилам рыболовной науки. К примеру, на перекрестке улиц Черняховского и Комсомольской ею был оставлен свободным лишь узкий проход для городского транспорта. Пешеход по замыслу сети непременно должен был попасть в одну из четырех «ловушек»: продмаг, молочный магазин, столовая, магазин «Пиво — воды». Если же ему удавалось «сухим» проскочить эти четыре, он попадал в пятую, с совершенно невинной вывеской «Заправка сифонов». На самом деле во всех этих точках от зари до зари (и даже позже) без всяких стеснений и ограничений (во времени и месте) заправляли спиртным.

И хотя все существо Вовочки трепыхалось навстречу этим «гадючням» (так в Житомире называют места, где обитает Зеленый Змий), к чести своей, он не нарушил здесь клятвы, данной супруге. Ибо еще на подходе к опасному перекрестку сел в троллейбус и на полном ходу, словно в танке или броневике, проскочил с рублем в кармане!

Но сеть и не думала сдаваться. Она детально изучила Вовочкин маршрут за долгие годы. У Житного рынка выставила на его пути целую систему ловушек, расположенных кольцеобразно. Первое кольцо составляли полтора десятка ларьков и киосков — от пищеторга, коопторга, магазинов, столовых, ресторанов. Они целились в прохожих горлышками всех калибров.

Когда Вовочка шел мимо рынка, ему казалось, что рубль вот-вот прожжет дырку в ладони и выскочит сам, чтобы отдаться в руки торгсети. Как бы морально укрепляя себя, он твердил в такт шагам: «Я-за-вя-зал!», «Ни-капли!». Но рыночные ворота широко распахнуты, а там виднелись «винные поля», на которых легко подорваться: спаренные киоски «Молдавское вино», батареи госбутылок, нахально выставленные продмагом № 46 на колхозный прилавок вместе с госзакуской.

Вперед! Бегом! Уф, пронесло. Рынок позади, а рубль в кармане. Еще не веря в чудо спасения, Вовочка столь же благополучно минует магазин «Юность», «Учебно-производственный магазин техникума советской торговли», «Вареничную»...

Сколько маленьких, кругленьких оставлено Вовочкой на дальних и ближних подступах к работе! Но на этот раз он честно и прямо дышит в лицо изумленного вахтера. И мастер цеха тоже удивляется, словно перед ним человек с пересаженным (от трезвенника) сердцем.

А Вовочка работает и с грустью вспоминает первую часть жениной реплики: «Завтрак — на плите...» В желудке возникает какой-то холодок. Проверяет рубль: на месте. С трудом дожидается перерыва на обед...

Столовая № 9 за воротами. Вовочка останавливается как классический рыцарь. Два входа. Слева войдешь — в пьяный буфет попадешь. Справа — «Кулинария», но поллитровок здесь не меньше, чем полуфабрикатов. А третьего входа нет. Где же пообедать? Хоть бы соку испить, что ли?

У магазина «Соки — воды» на площади Короленко уже скопилась целая стая мужчин производственного вида. Один, оторвавшись от телеграфного столба, цепляется за Вовочкин рукав:

— Д-руг! П-помянем-м?..

— Кого? Чего?

— Тестя моего Тараса Никитича, царство ему небесное... Сегодня три года, как преставил-л-с-ся... Я уг-го-щаю!

— А я за-вя-зал!

Вовочка упирается и еще крепче сжимает рубль в кармане.

«Друг» тем не менее тащит его в дверь. Вовочка обомлевает: на прилавках — одни похоронные принадлежности...

Оказывается, «друг» ошибся дверью: вход в «Соки — воды» соседствует с входом в «Бюро похоронных услуг». И все эти мужчины, собравшиеся здесь, хоронят не что иное, как зарплату или аванс. А «Соки — воды» — такая же самая «гадючня», как и «Пиво — воды»...

«Друг» угощал от души и, главное, бесплатно, так что перед семейным бюджетом Вовочка оставался чист. Угощал крепленым, сухим, плодоягодным. До самого закрытия «гадючни» продолжался Вовочкин «обед», пока наконец он не почувствовал, что пальцы вокруг рубля ослабли, как бы развязались...

— А теперь угощаю я! Пошли в баню! Поддадим парку!

— Не в баню,— поправил «друг»,— а в вытрезвитель!

Дело в том, что на языке житомирских пьянчуг самые злачные места именуются по названиям учреждений, расположенных рядом с ними: «Похоронное бюро», «Баня» и т. д.

В бане на улице Пушкинской, 16, некогда звенели водные струи и гремели железные шайки. Попарившись, посетители сбегали с крыльца и тут же во дворе попадали в буфет «от бани». Но прохудились шайки, иссякли струи, баня встала на бесконечный капремонт. А банно-винный буфет остался, и часы работы бани у него остались — до 22! И расположен он в таком симпатичном закуточке двора, где нет никакого другого учреждения, кроме городского... медвытрезвителя!

Здесь-то под надзором милиции Вовочка и отдал торгсети свой утренний рубль. За бутылку плодоягодных «чернил»! Торгсеть торжествовала, как Мефистофель, заполучивший наконец душу Фауста.

...Когда я рассказал эту удивительную историю начальнику облуправления торговли И. Ф. Паршикову, он не нашел в ней ничего удивительного.

— Воспитательная работа плохо ведется! — вздохнул Иван Федорович.— А она должна начинаться с пеленок!

— Вы имеете в виду тех, кто не умеет торговать?

— ...Кто не умеет пить! А наше дело — оборот! Вот! — Не без гордости он протянул мне сведения для республиканского министерства.— Реализовано вина, коньяка и прочих крепких напитков на треть больше, чем за тот же период предыдущего года!.. Правда, с водкой некоторое отставание. Приходится продавать ее и по воскресеньям и без перерыва на обед...

— Простите, а как ведется борьба против нарушений?

— Спросите в городской антиалкогольной комиссии!

Председатель комиссии, зам. предгорисполкома тов. Бацук сразила нас цифрой:

— Проведено 2755 громких читок и бесед!.. Вот что противопоставлено сильной, хорошо развитой, сверхынициативной горвинно-водочной сети. Воистину глас вопиющего против гласа выпиющего. Кто кого?

г. Житомир.

Просвещения ради...

Как и когда вводить детей в сложный и подчас драматичный мир взрослых! Издательство «Волжская коммуна» полагает, что это надо делать решительно и как можно раньше. Ну, известно, скажем, что картоном для всяческих поделок малыш забавляется в детсадике. Так пусть он, решили в издательстве, уже на этой фазе развития познакомится с предметом, который более, чем что-либо, делает мир взрослых сложным и драматичным...

ВОДКА
для детского труда

Ряд волшебных изменений

Стакан газированной воды с сиропом.

Стакан газированной воды без сиропа.

Стакан без газированной воды.

Газированная вода без стакана...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Воскресший из живых

Сгоните, пожалуйста, улыбку с губ. В потусторонний мир переселился вполне жизнеспособный гражданин Данилов.

Путь Данилова на тот свет не был усеян розами. На нем росли тернии самой черствой нечуткости со стороны медицинского персонала санатория «Токсово». Персонал считал, что у него есть более увлекательные обязанности, чем переводить Данилова с шатающегося режима на постельный. В конце концов персонал, не дождавшись, когда санаторный больной Данилов достигнет белой горячки, выписал его за ворота.

Данилов клялся, что «завяжет». Он запугивал персонал страшной местью влиятельных родственников из министерства. Когда же мольбы не помогли, он бросил на чашу весов аппендикс: ухватившись за бок, он призвал неотложную медицинскую помощь. Но и этот трюк не сработал: врачи, обследовав вопящего Данилова, отправили его за те же ворота.

Но, как оказалось, ворота из санатория вели прямиком на тот свет. Неделю спустя в санаторий пришла телефонограмма:

«Срочно пришлите в канцелярию Военно-медицинской академии выписку из истории болезни Данилова О. В., который выписан из санатория, снят с электрички в тяжелом состоянии, прооперирован в ВМА, диагноз: запущенный аппендицит. Больной скончался. Приехали родственники из министерства, затевается уголовное дело. Просим прислать справку, были ли боли в животе больного в момент пребывания его в санатории. Передал врач Смирнов».

Санаторий облачился в глубокий траур. Врачи и сестры ходили с опухшими от слез лицами, обвиняя себя в преждевременной смерти гражданина Данилова. Больные, узнав о гибели своего недавнего коллеги, впали в черную меланхолию.

Когда скорбь достигла апогея, кто-то случайно повстречал покойного гражданина Данилова на улице. Покойник чувствовал себя совсем неплохо: он был довольно бодр, весел, а главное, вполне доволен собой.

Ваш корреспондент встретился с воскресшим работником Ижорского завода Даниловым, но никаких особо любопытных деталей выяснить не удалось. Несостоявшийся покойник ограничился фантастическими утверждениями о том, что он ничего крепче минеральной в рот не брал с самого ясельного возраста. Кроме того, он весьма высоко оценил телефонную связь, с помощью которой можно заставить порядочных людей пережить довольно неприятные минуты.

Б. ЛИВШИН

г. Ленинград.

М. СЕМЕНОВ

ЖЕРТВА КОНКУРЕНЦИИ

Памфлет

Карьеру «золотых дел мастера» он начал очень рано: его втянули в шайку шестнадцатилетним школяром. Красавчик оказался просто незаменимым парнем. Он мог легко «просочиться» сквозь чугунную решетку, охранявшую окна антикварного магазина от нежелательных визитеров. Извиваясь, как уж, он проникал в помещение и потом подавал оттуда кулоны и колье, каждое из которых весило не меньше десяти тысяч зелененьких.

Шли годы, Красавчик процветал. Он давно уже действовал в одиночку. Его карманы всегда оттопыривались от зелененьких, у него никогда не переводились черноокие итальяночки.

А потом постепенно все стало меняться. Случалось, что, явившись в полночь брать облюбованную ювелирную лавку, он находил ее витрины пустыми: кто-то уже побывал здесь раньше него. А иногда ему мешали в разгар работы. И не просто мешали, а еще требовали делиться добычей, ссылаясь на заявочный столб, который якобы был поставлен тут раньше. Появились какие-то тресты и синдикаты, четко поделившие всю территорию Америки на квадраты и зоны, так что без уплаты пошлины честному вору и шагу нельзя было ступить. А однажды...

Да, однажды случилось такое, чего Красавчик не может забыть до сих пор. Привычно отключив сигнализацию, Красавчик ловкими и сильными ударами стал пробивать отверстие в толстом витринном стекле ювелирной лавки. Увлеченный работой, он не сразу услышал тихие удары за углом (там тоже была витрина): «Тук-тук...»

Глянув за угол, Красавчик обомлел: полицейский! Откуда он взялся? И что тут делает?

Внимательно присмотревшись, Красавчик с удивлением увидел, что полицейский долбит... витрину. Осмелев, Красавчик приблизился к полицейскому и, хлопнув его по плечу, спросил:

— Эй, корова, куда лезешь?

Не отрываясь от дела, полицейский ответил:

— Туда же, куда и ты, Красавчик! Хочу заказать себе золотые зубки...

Вот тебе и на! Теперь уж и полицейские рвут изо рта сандвич с маслом!

В ту памятную ночь и созрело у Красавчика решение навсегда покинуть страну.

Нет, его совсем не пугали раздававшиеся то и дело заклинания и обещания губернаторов и конгрессменов навсегда покончить с преступностью. Что с них взять? Политиканы! Им без таких речей и дня не прожить.

Не страшила Красавчика и перспектива получить пару дырок в животе от какого-нибудь страдающего бессонницей ювелира. Правда, в газетах пишут, что не меньше 15 миллионов американцев имеют оружие, которое нигде не зарегистрировано. Но куда уж этим психам вести прицельную стрельбу по профессионалам! Вот прохожих попугать — это они могут.

Опостылела ему конкуренция. Надоело толкаться среди себе подобных, надоело ждать, что вот-вот кто-нибудь из них вцепится в горло, чтобы завладеть твоим добром...

Короче говоря, в один прекрасный день трехсотместный лайнер компании «Пан Америкен» унес Джо Люка в Европу.

Почему Джо Люк выбрал Италию, он и сам не мог бы сказать. Может быть, тут решающую роль сыграли его любовные связи? Сомнительно. Своим сердечным делам Красавчик не придавал никакого значения.

Но как бы там ни было, Италия вначале понравилась Джо Люку. Во-первых, итальянок здесь было значительно больше, чем в Америке, а во-вторых, ювелирные лавки на римских улицах встречались чаще, чем аптеки. «Ну что же, тут жить можно»,— решил Красавчик. В первую же подходящую ночь он атаковал витрины модного ювелирного салона. Операция прошла без сучка и задоринки. Наутро он с плоским чемоданчиком в руках, где лежали золотые вещички, уже звонил в дверь синьору Чезаре — известному скупщику краденого.

Чезаре оказался сгорбленным старичком с огромной лысиной и насмешливым взглядом. Когда Красавчик открыл свой плоский чемодан, старичок осторожно взял золотой браслет, поднес к окну, осмотрел со всех сторон и также осторожно положил обратно.

— Этот браслетик лежал в витрине модного салона у памятника Цезарю? — спросил синьор Чезаре.

— Да, там стоял памятник какому-то болвану, возможно, что его кличка была Цезарь,— вспомнил Джо Люк.

— Тогда, молодой человек, постарайтесь поскорее избавиться от этой рухляди.

Красавчик опешил. А старичок рассказал, что два месяца назад особо доверенный приказчик хозяина ловко подменил в витрине все подлинно золотые вещи на фальшивые, а сам, прикинувшись смертельно больным, отправился на Сицилию.

— Правда, об этом не знают пока только два человека: хозяин салона и комиссар полиции,— добавил старичок.— Вы третий.

Это была уже откровенная издевка.

После первой неудачи последовали и другие. Красавчик то и дело натыкался на проделки более ловких и проворных соперников. Жить становилось все труднее.

— А что ты хочешь? — спрашивала его очередная подруга.— У нас в Италии растут не только оливы, но и ловкие парни. И каждый такой ловкач тянется к жирному куску. Один знакомый журналист сказал мне, что только за первую половину прошлого года количество нападений на ювелирные магазины возросло в стране на 74,7 процента. А ведь эти симпатичные магазинчики, кажется, твоя сфера, Джо?

— Моя,— с досадой подтвердил Красавчик.— Ну да ничего, я еще свое возьму. Слышала ты когда-нибудь о Джанни Булгари?

— Как же, самый знаменитый ювелир в Риме! А что?

— Ничего, может быть, ты скоро еще о нем услышишь.

И действительно, через два дня все римские газеты обошло сенсационное сообщение: Джанни Булгари похищен, за него назначен выкуп в несколько миллионов долларов.

Увы, это не было делом рук Красавчика. Пока он планировал ревизию витрин фирменных магазинов знаменитого ювелира, конкуренты не дремали. Мафия опередила Красавчика. Это было последней каплей, и Джо Люк с позором бежал из страны олив

* * *

Подробное перечисление стран, где побывал Красавчик, и описание постигших его злоключений показались бы читателю слишком утомительными. Потому просто назовем Западную Германию, Францию, Англию в той последовательности, как их посещал наш герой. Нет, он не превратился в международного авантюриста-гастролера, который завтракает в Бонне, обедает в Париже, а ужинает в одном из респектабельных отелей Лондона. Джо Люк искал страну, где бы он мог заниматься своим бизнесом в спокойной, творческой обстановке. Увы!

Куда бы ни попадал Красавчик, он видел одну и ту же отвратительную картину: вор тянул у вора, один рыцарь удачи стремился подставить ножку другому.

Европа разочаровала Красавчика, и он через весь континент махнул в Азию. А здесь, на японских островах, Джо Люка поджидал самый большой позор в его жизни.

На тихой токийской уличке он нашел очень симпатичную ювелирную лавку. Поблизости не было полицейского поста или какого-нибудь ночного заведения. Словом, то, что надо! Главное было найти эту лавку, а уж остальное, как говорится, дело техники...

Вооруженный ею, Красавчик в назначенную самому себе ночь явился на объект. И чуть ли не взревел от ярости: витрины лавки оказались пустыми. Его опять опередили. Бандиты!

Как это иногда случается, взломщиков (их было трое) через два дня поймали, когда они кутили в маленьком ресторанчике. Уж лучше бы их не ловили! Шайка состояла из семилетнего малыша, его четырехлетнего брата и товарища по школе. Джо Люк схватился за голову: боже, до чего он дожил, ему перебегают дорогу уже сосунки! Нет, прочь отсюда! Туда, где нет людей!

* * *

Он сидел на рваной циновке, по-восточному поджав под себя ноги. А смуглый лейтенант полиции мучительно соображал: «Если связаться с этим психом, то наверняка на пост доберемся только к ночи, кофейня уже закроется. А ну его к черту! Он думает, что это золото, пускай думает, от этого вреда не произойдет. Завтра здесь будет проезжать экспедиция медиков, она заберет его».

— Нукеры,— скомандовал лейтенант солдатам,— оставьте этого господина в покое, он ведь не сделал ничего плохого! А нам пора двигаться.

И верблюжий полицейский патруль быстро удалился. А Красавчик занялся прерванной работой: сгребанием песка в одну большую кучу. Вокруг лежали миллиарды тонн золотистого песка, и он был никому не нужен.

— Гляди, гляди, вон советская угроза!

Рисунок А. КРЫЛОВА

Николай ЭНТЕЛИС

Другое дело!

Неофашистская волна
В Италии бушует ныне,
Но речь елейная слышна
Духовных братьев Муссолини:

«Рубашек наших черный цвет
Порой встречают оробело,
Но на рубашках свастик нет,
А если нет — другое дело!»

В кругу больших и малых стран
Израиль часто повторяет,
Что во вражде сосед Ливан
Его напрасно обвиняет:

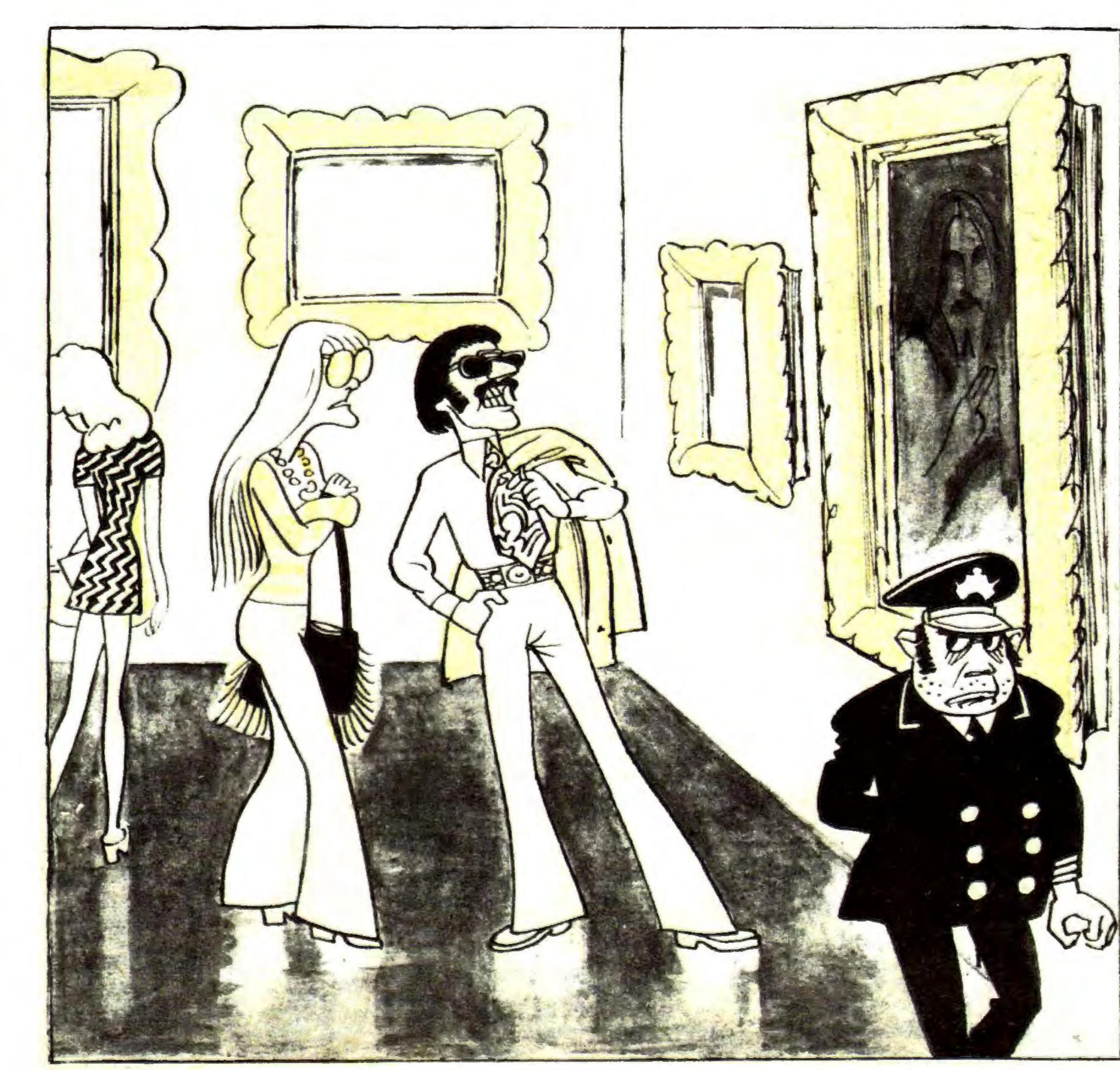
«В поход военный не иду,
Нападки слушать надоело:
Обстрел я издали веду,
А издали — другое дело!»

Давно привыкло ЦРУ
«Домашней» слежкой увлекаться.
Теперь за грязную игру
Оно решило оправдаться:

«Мы намечаем комплекс мер
И перестроимся умело:
Для дома будет ФБР,
А ФБР — другое дело!»

* * *

Иной вовсю готов юлить,
Коль правда вдруг его задела...
Поможет ли такая прыть!!
Но это уж — другое дело!

— Неважная эта картина.
— Почему, сэр, вы так думаете?
— Ее еще не украли...

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Г. и Р. АРУТЮНОВЫ

Плач у „стены плача“

Иерусалимскую «Стену плача» использовали по прямому назначению — здесь сотрясались в рыданиях, вздымали руки к небу, бились лбами о древние камни и исступленно причитали высокопоставленные израильские господа.

— О господи! — восклицали чиновники, ведающие делами оккупированных арабских территорий. — Зачем ты послал нам такое испытание? Ну, еще ничего, когда арестовываем священнослужителей и прямо с молитвенными ковриками отправляем за решетку. Эти только молитвы бормочут. А вот с молодежью хуже. Схватишь, например, руководителя молодежной арабской организации, хлопот не оберешься. Петиции протеста так и сыплются на голову. Что за народ арабы! Нет чтобы сидеть спокойно и дожидаться, пока границы Израиля протянутся от Нила до Евфрата. Нет, кричат, что не успокоятся, пока Израиль не уберется восвояси с этих земель.

А с женщинами просто сладу нет. Не хотят идти в тюрьму да и только, цепляются за своих детишек. Из дома не выгонишь. Хоть из пушки стреляй и гранаты в окна забрасывай. А ведь их ждут! Не могут же наши переселенцы остаться на улице! Вот и приходится силой выпроваживать арабов на вольный воздух. За что, господи, послал ты нам такое наказание? Ведь пока этих женщин и их сосунков из домов повытаскиваешь да по тюрьмам рассуешь, голова поседеет.

Недавно вот, господи, пришлось даже совсем выслать 1 600 человек. А что делать? Территории-то надо осваивать. За что такое тяжкое бремя? Выселяй, перевоспитывай, утихомиривай — сил никаких не хватает. А сколько мороки с теми, кто попроворнее! Их и не сразу поймаешь. Чтобы их поймать, приходится ограничивать свободу передвижения всего населения оккупированных территорий. А это значит — опять протесты, международные комиссии, разоблачения в ООН... Тяжело...

Или другой факт. Сидит араб в тюрьме, убивается, тоскует. Не иначе как оставленное имущество свое жалеет. Глядишь на него, и сердце кровью обливается. Ну и конфискуешь имущество узника, чтобы его от мук избавить. И за что, господи, взвалил ты на нас такую ношу непосильную!

И вздымались к синему небу руки несчастных чиновников, и слезы величиной с яффские апельсины скатывались с их лиц, искривленных от криков и стонов.

— Господи! — неслось из другого места у «Стены плача». — Чем мы провинились перед ликом твоим? За что мы терпим такие муки! — Это надрываются уже настоящие тюремщики, заплечных дел мастера. Многие из них прошли практику в лучших полицейских заведениях Запада. — Сколько сил и нервов, господи, приходится ухлопать, чтобы сделать из иного араба доброго израильтянина! Ведь его и к потолку подвешиваешь и электротоком вразумляешь. А он все молчит, не хочет становиться добрым израильтянином. Среди них есть и такие, что норовят с ума сойти. Ну и хлопот с ними! Отправляй его в психиатрическую больницу. А там разве его упрячешь? Родные пронюхали и пошли писать протесты, просьбы, петиции. Да еще комиссия из международного Красного Креста пытается прорваться. Попробуй удержи! Словом, глаз не сомкнуть, не то чтобы отдохнуть.

Была у «Стены плача» и группа печально озабоченных лиц со счетными машинками и логарифмическими линейками. Они щелкали клавишами, подсчитывая доходы и расходы Израиля, и разражались потоками слез.

— Господи, — слышалось сквозь всхлипывания, — что делать, как сводить концы с концами?! Фунт-то израильский который раз уже девальвировался. А сколько еще денег нужно для закупок оружия! Вон ведь Пинхас Сапир, когда еще был министром финансов, исповедовался, что Израиль за шесть лет, минувших после войны 1967 года, угрохал на военные нужды 25 миллиардов израильских фунтов. Сапир же напророчил, что в последующие шесть лет угрохаем в два раза больше! А что делать, господи? Надо же удерживать земли от натиска арабов, требующих их возвращения. А земель этих немало — в три раза больше, чем было у нас до 1967 года! Вот и приходится вооружаться, вооружаться и еще раз вооружаться. Благо, Америка помогает, иначе бы крах! Недавно один наш коллега прикинул, что каждый сионист уплатил за последние два года на военные нужды Израиля в 11 раз больше, чем каждый араб в Египте, Сирии, Ливане и Иордании — на нужды своей обороны. И как после этого могут арабы жаловаться на судьбу?..

И экономисты вздохнули с глубокой печалью и безысходной тоской, и снова из их глаз полились горькие слезы.

Один из плакальщиков взглянул на золотой «Роллекс», украшавший его запястье, и сочным министерским баритоном скомандовал:

— Время, коллеги. Сеанс окончен. Поплакали и будет. Пора возвращаться к будничным делам.

И они разошлись, чтобы сгонять, выселять и арестовывать арабов, а также клянчить доллары на новые военные авантюры.

СРЕДИ ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

Рисунки В. ШКАРБАНА

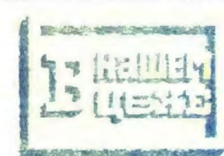
— У всех дети как дети, а тебе уже сто лет повторяю: не ешь немытые фрукты!

— А еще был такой случай...

— Все невест крадешь?
— Что ты, праправнучка учиться не хочет, вот в школу везу.

Юрий ИВАКИН, доктор филологии и одновременно популярный украинский пародист, издал в «Радяньском письменнике» свою новую книжку литературных фельетонов, пародий и юморесок «Гиперболы».

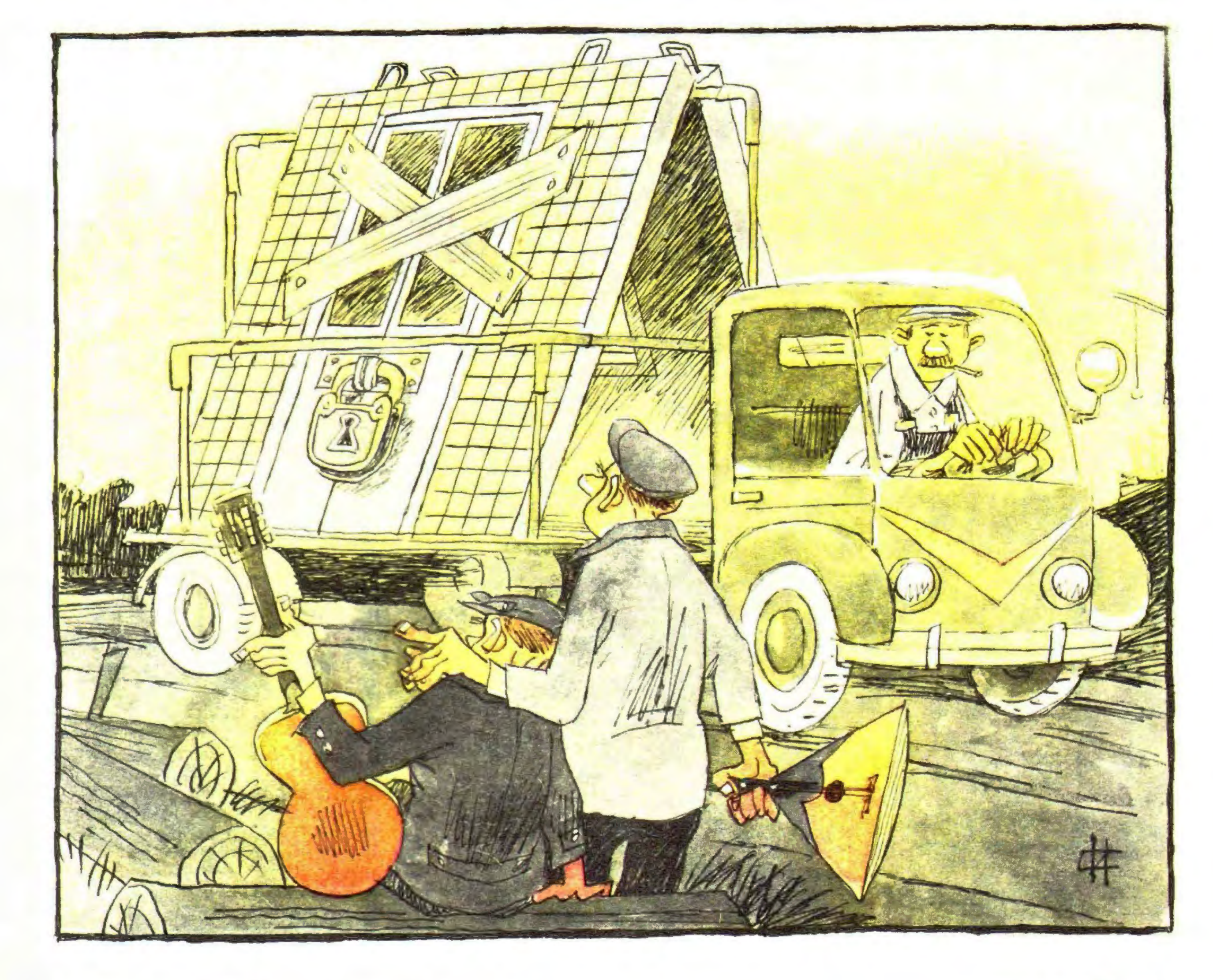
Орджоникидзевское издательство «Ир» выпустило книжку известного в Северной Осетии баснописца Лади БАГАТЫ «Пальцы одной руки».

«Всякое бывало» — книжка сатирических, юмористических и «просто стихов» старого крокодильского автора Юрия БЛАГОВА, которая вышла в издательстве «Советский писатель».

Одесское издательство «Маяк» выпустило книжку юморесок Виктора ПОДОЛЬСКОГО «Под звуки оркестра».

Во Львове (издательство «Каменяр») вышла первая книжка сатирических рассказов и фельетонов молодого литератора Валерия ТРИПАЧУКА «Пиджак из Ливерпуля».

Антология сатирических рассказов болгарских писателей — от классиков Любена КАРАВЕЛОВА, Христо БОТЕВА и других до современных юмористов — «Болгарский юмор и сатира» вышла в издательстве «Днипро».

— Видать, клуб будут строить!

Рисунок И. СЫЧЕВА

В 1933 году Зощенко подсчитал количество написанных им рассказов и фельетонов. Оказалось — 480. А впереди было еще 25 лет работы... Были повести, пьесы, киносценарии, но «малый жанр», тот, с чего Зощенко начинал и с чем пришла к нему слава, до последних дней оставался главной его привязанностью, главной любовью. Более тысячи рассказов и фельетонов значится в конечном послужном списке писателя. Громадная цифра!

Но настоящую литературу, как мы хорошо знаем, не цифрами мерят. И здесь необходимо сказать, что Зощенко не только все это написал, но и все это напечатал, притом многие и многие его рассказы перепечатывались дважды, трижды, а то и десятки раз. В посмертном архиве писателя практически нет неопубликованных произведений. Это ли не показатель высокого качества его труда?..

10 августа исполняется 80 лет со дня рождения Михаила Михайловича Зощенко. Не имея возможности (как следует из вышесказанного) предложить читателю неизвестное произведение знаменитого сатирика, мы предлагаем произведение, как говорится, малоизвестное: рассказ «Бочка». Он был написан в конце 20-х годов и с 1935 года не переиздавался.

Ю. ТОМАШЕВСКИЙ,
секретарь комиссии по литературному наследию
М. М. ЗОЩЕНКО.

Мих. ЗОЩЕНКО

БОЧКА

Вот, братцы, и весна наступила. А там, глядишь, и лето скоро. А хорошо, товарищи, летом! Солнце пекет. Жарынь. А ты ходишь этаким чертом без валенок, в одних портках и дышишь. Тут же где-нибудь птичечки порхают. Букашки куда-нибудь стремятся. Червячки чирикают. Хорошо, братцы, летом.

Хорошо, конечно, летом, да не совсем.

Года два назад работали мы по кооперации. Такая струя в нашей жизни подошла. Пришлось у прилавка стоять. В двадцать втором году.

Так для кооперации, товарищи, нет, знаете, ничего гаже, когда жарынь. Продукт-то ведь портится. Тухнет продукт, ай нет? Конечное дело, тухнет. А ежели он тухнет, есть от этого убытки кооперации? Есть.

А тут, может, наряду с этим лозунг брошен — режим экономии. Ну, как это совместить, дозвольте вас спросить?

Нельзя же, граждане, с таким полным эгоизмом подходить к явлениям природы и радоваться, и плясать, когда наступает тепло. Надо же, граждане, и об общественной пользе позаботиться.

А помню, у нас в кооперативе спортилась капуста, стухла, извините за такое некрасивое сравнение.

И мало того, что от этого прямой у нас убыток кооперации, так тут еще накладной расход. Увозить, оказывается, надо этот спорченный продукт. У тебя же, значит, испортилось, ты же на это еще и денежки свои докладывай. Вот обидно!

А бочка у нас стухла громадная. Этакая бочища, пудов, может, на восемь. А ежели на килограммы, так и счету нет. Вот какая бочища!

И такой от нее скучный душок пошел — гроб.

Заведующий наш, Иван Федорович, от этого духа прямо смысл жизни потерял. Ходит и нюхает.

— Кажись, — говорит, — братцы, разит?

— Не токмо,— говорим,— Иван Федорович, разит, а прямо пахнет.

И запашок, действительно, надо сказать, острый был. Прохожий человек по нашей стороне ходить даже остерегался, потому с ног валило.

И надо бы эту бочечку поскорее увезти куда-нибудь к чертовой бабушке, да заведующий, Иван Федорович, мнется. Все-таки денег ему жалко. Подводу надо нанимать, пятое, десятое. И везти к черту на рога за весь город. Все-таки заведующий и говорит:

— Хоть,— говорит,— и жалко, братцы, денег, и процент,— говорит,— у нас от этого ослабнет, а придется увезти этот бочонок. Дух уж очень тяжелый.

А был у нас такой приказчик, Васька Веревкин. Так он и говорит:

— А на кой пес, товарищи, бочонок этот вывозить и тем самым народные соки-денежки тратить и проценты себе слабить? Нехай выкатим этот бочонок во двор. И подождем, что к утру будет.

Выперли мы бочечку во двор. Наутро являемся — бочка чистая стоит. Сперли за ночь капусту.

Очень мы, работники кооперации, от этого факта повеселели. Работа прямо в руках кипит — такой подъем наблюдается. Заведующий наш, голубчик Иван Федорович, ходит и ручки свои трет.

— Славно, — говорит, — товарищи, пущай теперь хоть весь товар тухнет, завсегда так делать будем.

Вскоре стухла еще у нас одна бочечка. И кадушка с огурцами.

Обрадовались мы. Выкатили добро на двор и калиточку приоткрыли малость. Пущай, дескать, повидней с улицы. И валяйте, граждане!

Только на этот раз мы проштрафились. Не только у нас капусту уволокли, а и бочку, черти, укатили. И кадушечку слямзили.

Ну, а в следующие разы спорченный продукт мы на рогожку вываливали. Так с рогожей и выносили.

черным по белому

— Эй, у тебя клюет!

Рисунок С. СПАССКОГО

— Хочу добраться до воды по подземному переходу!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Рисунок В. ЖАРИНОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Всем помощникам машинистов!

После приезда из поездки формуляры ложить в ячейку вместе с приехавшим машинистом».

(Объявление).
Прислал А. Бабинцев,
г. Ярославль.

«Сок — здоровье в жидком виде».

(Реклама в магазине).
Прислал Н. Павлов,
г. Ростов-на-Дону.

«Богаты эти водоемы рыбной и водоплавающей дичью».

Газета «Ленинский путь»,
г. Самарканд.

«При этом направляю Вам для разрешения заявление Пискижова П. Я., который указывает, что Езапенков Н. Г. похитил в колхозе 1 мешок льносемян, а также колхозников Антоненкова А. Г. и Артеменкову В. Н.».

(Из служебного письма).
Прислал А. Кабанов,
Смоленская область.

«Я обругал свою жену нецензурными словами ввиду того, что не мог ее ударить, находясь под кроватью».

(Из объяснения).
Прислал В. Сошмович,
г. Чита.

«Товарищи! Прошу задавать неясные вопросы».

(Просьба докладчика).
Записал Н. Мурашкин,
г. Запорожье.

«Кишиневское техническое училище № 1 объявляет набор учащихся на 1975—1976 учебный год. В училище принимаются юноши и девушки обоего пола».

Газета «Мирный труд»,
Страшенский район,
Молдавской ССР.

«По старинному обычаю за новобрачными стояли подруги невесты и подруги жениха».

(Из лекции).
Записал Л. Широких,
г. Ижевск.

«Наши претензии к комбинату в силу существующих условий носят чисто туалетный характер».

(Из отчета санитарного врача).
Прислал О. Давыдов,
г. Ростов-на-Дону.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Больной миллионер говорит своей сиделке:

— Проследите, пожалуйста, чтобы ко мне больше не приходил Робер.

— Ваш наследник? Но почему же?

— Каждый раз, когда он здоровается со мной, он пытается незаметно пощупать у меня пульс.

●

— Хорошая ты у меня,— говорит муж жене,— красивая, умная, хозяйственная! Будь ты, Марта, чужой женой, тебе бы цены не было!

●

Покупательница пришла в универмаг с жалобой:

— Вчера я купила у вас свитер. Вы сказали мне, что свитер из чистой шерсти, а вот, смотрите, я нашла на нем этикетку «стопроцентный хлопок»...

— О, мадам, не думайте, что вас обманули! Мы пришили эту этикетку с единственной целью — чтобы ввести в заблуждение моль!

●

В полицию вбегает заплаканная женщина.

— Найдите мне моего мужа, я жить без него не могу, а он исчез!

— Простите, мадам, давайте по порядку. Когда исчез ваш муж?

— Неделю тому назад.

— Но почему вы заявляете об этом только сегодня?

— А у него сегодня зарплата!

●

В оружейный магазин входит женщина и просит продать ей пистолет и патроны.

— Какой прикажете калибр, мадам? — спрашивает продавец.

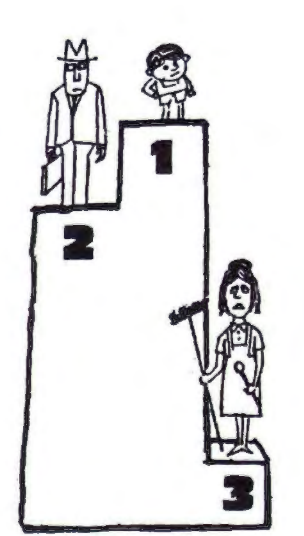
Женщина задумывается на мгновение, потом пожимает плечами.

— Вообще-то мой муж носит костюмы пятьдесят второго размера...

●

— Послушайте, проводник, почему вы настаиваете, чтобы мы заплатили вам до начала экскурсии в горы? Вы что, боитесь, что кто-нибудь из нас откажется платить?

— Нет, но посмотрите на эту пропасть. Если бы вы знали, сколько народу от меня туда улизнуло!

«Фигаро», Франция.

УЛЫБКИ

Глубокой ночью жена будит мужа.

— Что случилось?— испуганно вскрикивает тот.

— Ничего особенного. Просто я не могу понять, как ты можешь спокойно спать, получая такую маленькую зарплату.

●

Знаменитый писатель вызвал на дуэль плохого журналиста.

— Вы настолько старше меня, что я предоставляю вам право выбрать любой вид оружия,— сказал журналист.

— Я выбираю орфографию. Считайте, что вы уже погибли!

Грегори КЛАРК (Канада)

Шелши

В тот день я познал две истины:

а) что мой щенок сеттер, четырех месяцев от роду, быстрее молнии и

б) что никогда нельзя чистить вставные зубы на берегу озера.

Щенка мы завели сразу после приезда на дачу и назвали его Челси. Это была маленькая ярко-рыжая собачонка с крепкими лапками и большими торчащими ушами.

— Пошли, Челси,— позвал я,— пойдем на озеро и почистим зубы. (Я всегда сообщаю собакам о своих намерениях.)

Сейчас в некоторых летних коттеджах, которыми, к примеру, владеют всякие молодые выскочки, именуя их не иначе как «загородными виллами», есть все современные удобства. Но наш коттедж старомодный. Правда, на кухне есть умывальник, но, чтобы из него пошла вода, нужно энергично поработать рукояткой насоса. Поэтому еще несколько лет назад, с тех пор как я сделал себе отличные зубные протезы, у меня возникла привычка ходить по утрам на озеро — там у меня в кустах припрятана старая зубная щетка — и совершать омовение своих искусственных челюстей, чтобы не полоскать их в грязной воде в тазу: так более гигиенично.

— Пошли, Челси, детка,— скомандовал я.— Пойдем на озеро.

Будучи валлийцем по происхождению и имея за плечами всего лишь четырехмесячный жизненный опыт, Челси еще не очень хорошо понимала по-английски. Но все же она последовала за мной.

Придя на берег, она полностью отдалась созерцанию лягушек, а я тем временем извлек изо рта верхнюю челюсть и положил ее на камень подле себя. Затем я вынул и нижнюю, нашел в кустах спрятанную мною зубную щетку, как вдруг слева молнией мелькнуло что-то ярко-рыжее.

— Шелши-и-и! — завопил я.

Но было слишком поздно. Она схватила мою верхнюю челюсть.

— Шелши! — взревел я.— Плохая ты сопака! Насат! Эй! Фьюууу! Шелшии-иии!

Щенок со скоростью ракеты помчался к дальним камням, быстро перебирая крошечными лапками и смешно виляя беличьим задом.

Я бросился за ним, размахивая зубной щеткой, которую держал в правой руке, и нижней челюстью, зажатой в левой.

Взобравшись на камни, она выпустила свою добычу, чтобы полюбоваться ею. Какая прелесть! Розовая, да еще с миленькими белыми рюшечками!

— Шелши! — льстиво уговаривал я, подкрадываясь поближе.

Но псина подхватила мои зубы и бросилась за дом.

— Шелши-иии! Шелшин-иии!

Из разных дверей коттеджа на мой крик выбежали жена, дочь и трое друзей, приехавших в гости на уикэнд.

— Мои шупы,— пояснил я.— Она уташшила мои шупы!

Часть сил я бросил в обход дома с правой стороны, в то время как другие двигались навстречу слева. Никогда еще столько людей не играло с Челси. Она неутомимо бегала вокруг дома, увертываясь от протянутых рук и подставленных ног. Затем нырнула под дом — отдышаться.

Я последовал за ней на четвереньках. Челси отступила вглубь, где места хватало лишь для нее. Она положила мои зубы в пыль и, придерживая их лапками, счастливо улыбнулась.

— Шелши,— попросил я,— иди к своему папошке.

Она поднялась во весь рост и стала рыть ямку.

— О-оо, нет!— взмолился я.

Выкопав ямку, она поместила туда мою челюсть и стала зарывать ее носом.

Я выполз из-под дачи без зубов.

— Тайте ей што-нибудь поешть,— произнес я пустым ртом.

Женщины тщетно уговаривали ее выйти из-под дома.

Тогда я пошел к соседям и взял напрокат их четырехлетнего сына. Он вполз под дом и, точно следуя моим наставлениям, отрыл верхний протез. Он оказался невредимым.

Спустившись к озеру, я соскоблил с зубов грязь. Потом достал пемзовое мыло и вымыл челюсть вторично. После этого на кухне я купал ее, вымачивал, скреб в трех различных составах, широко разрекламированных по телевидению, радио и в прессе.

Но и после этого я не решался сунуть челюсть в рот.

— О, перестань! — сказала мне жена.— Не будь привередой. Челси — чистенькая собачка. Ты же — ветеран двух войн, держу пари, что...

— Шелши,— сказал я,— ты потлая шертофка!

Она сидела как ни в чем не бывало, навострив уши и ожидая, когда я затею с ней новую игру.

Я взял немного ваты, положил на дно небольшой коробочки, тщательно уложил на нее верхнюю челюсть и за десять центов отправил почтой своему протезисту, присовокупив к ней описание случившегося. Я просил его употребить весь свой богатый опыт: отшлифовать челюсть, отполировать, вымочить в самом убийственном для бактерий веществе, прочистить все трещины и щели, доведя зубы до их первоначальной красоты, и тем самым спасти мою нервную систему.

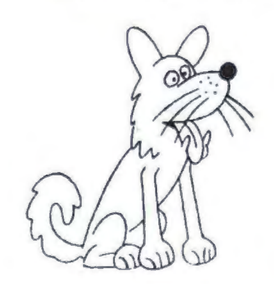
Четыре дня я питался супом и шоколадным пудингом...

Зубы вернулись из города довольно чистыми, и я водворил их на прежнее место.

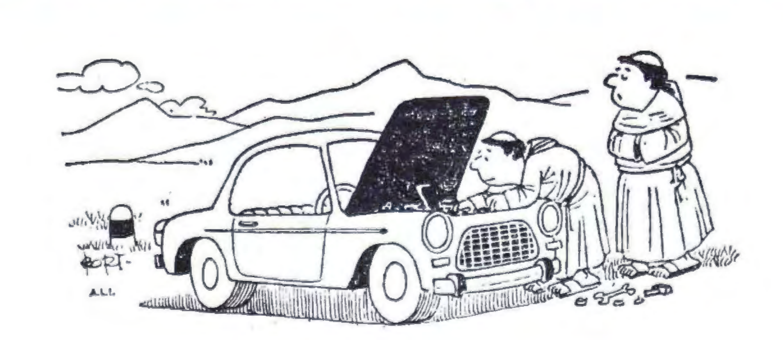
— Шелши! — сказал я по привычке своей собачонке, сидящей подле меня в выжидательной позе, поставив уши торчком.

Так она и осталась «Шелши» до самых последних дней своей собачьей жизни.

Перевел Дм. РОЗАНОВ.

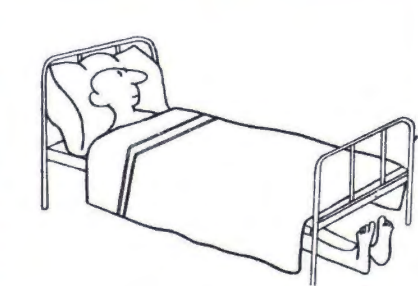

РАЗНЫХ ШИРОТ

— А если попробовать молитву?

«Эпока», Италия.

«Остен», Югославия.

— До чего же все-таки плохо работает у нас почта,— жаловался приятелю старик профессор.— Три дня тому назад я написал своему коллеге, а сегодня нашел письмо у себя в кармане.

●

Заключенный говорит начальнику тюрьмы:

— Синьор начальник, я хотел бы пожаловаться на качество пищи...

— А чем вы недовольны?

— Вот, смотрите, что я нашел в хлебе,— напильник!

●

Бернард Шоу, роясь однажды в букинистической лавке, обнаружил первое издание одной из своих пьес. На книжке было написано: «Роберту Фуксу с уважением от Бернарда Шоу». Драматург купил книгу и вновь послал ее Роберту Фуксу, присовокупив: «Вновь подтверждаю свое уважение. Шоу».

«Урзика», Румыния.

— Конечно, я люблю тебя, Этель. Кру-гом, ша-гом марш!

«Дейли мейл», Англия.

— Но, господа, не может же осмотр длиться вечно.

«Се», Швеция.

КРОКОДИЛ

№ 22 (2140)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Владов, Ю. Ерофеев, Н. Лисогорский, Е. Милутка, В. Мохов, В. Сафонов, И. Сычев, Ю. Федоров, Л. Филиппова, А. Чикарьков.

НАШ АДРЕС:
101455
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14
ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

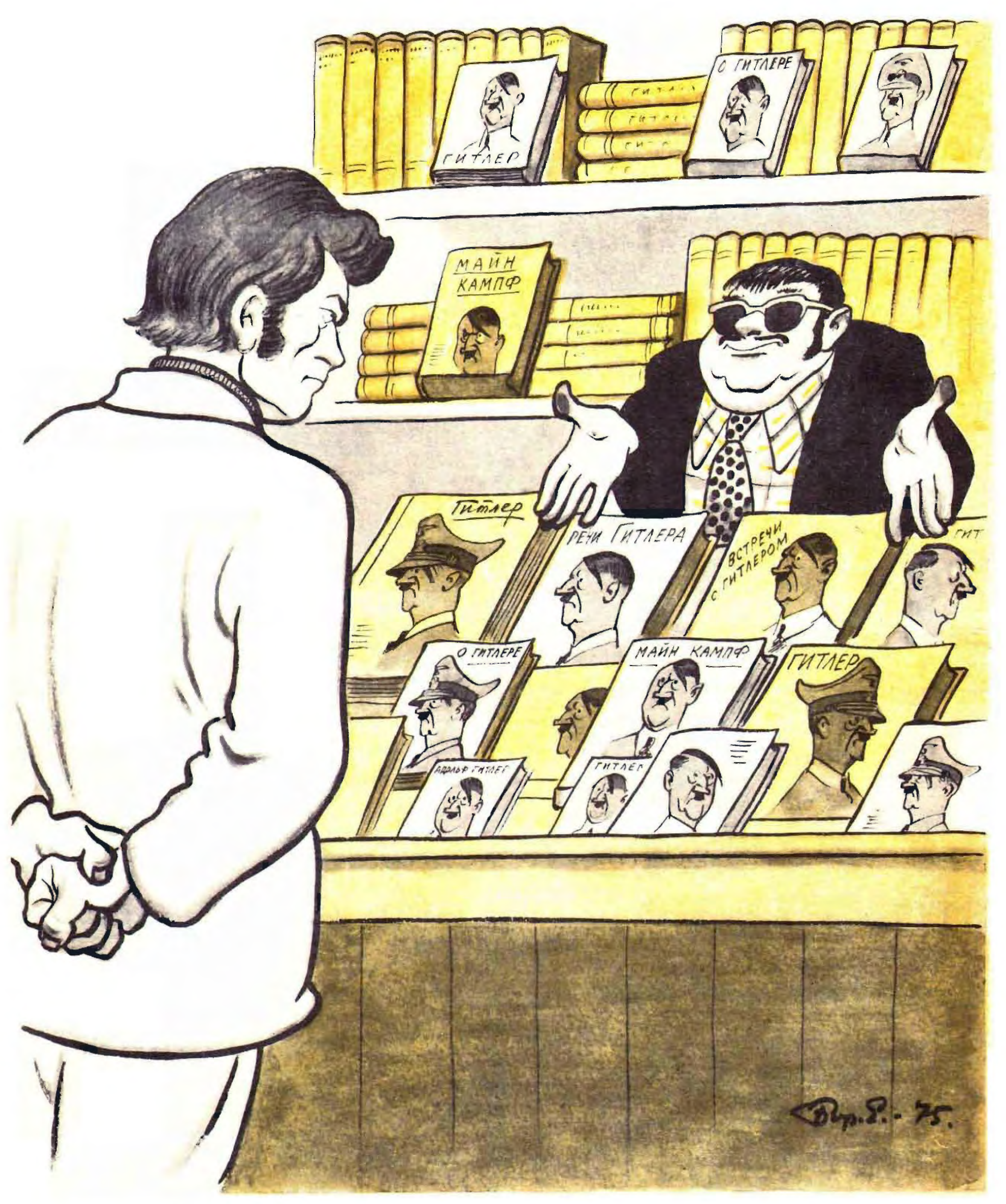
Сдано в набор 14/VII 1975 г. А 08562. Подписано к печати 24/VII 1975 г. Формат бумаги 70×108⅛. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 980 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 653 310). Изд. № 1760. Заказ № 941.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Обработал ЛЕБЕДЕВ А.В.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Широкая продажа в ФРГ книг, восхваляющих Гитлера, содействует распространению среди населения, особенно среди молодежи, неонацистских и реваншистских настроений.

— Я смотрю, у вас вся литература на одно лицо.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА